Как поживаешь, шурави

Виталий Кривенко

SHOUT
SHARE
IT

- Кривенко Виталий

Кривенко Виталий
Как поживаешь, шурави

Виталий Кривенко
Как поживаешь, шурави?
Пригласили Афганца выступить в школе перед учениками.
Он приходит, и рассказывает:
-- Идем раз ночью по ущелью и вдруг засада,
Х..як направо -- духи, х..як налево -- духи.
Учительница в ужасе:
-- Это же дети!
Афганец:
-- Да какие на х..й дети... Духи!

Союз, как много значило это слово для нас, Афганцев. Мне поначалу не верилось, что я вернулся сюда. В Афгане гражданка казалась каким-то неправдушным сном, и я порой думал, а может и нет вовсе той жизни; где дом, родные, друзья и девчонки, может всегда вот так было: Афган, война и смерть, и конца этому не будет ни когда.

И вот настал тот долгожданный момент, и я в Союзе: Ташкент, вокзал, вагон, все в пьяном угаре и, наконец, дом, где не был так давно, но помнишь все до мелочи. А как встретила нас Родина, а точнее общество? Это уже другой вопрос. Каких только унижений не пришлось испытать нам, Афганцам, я не хочу хаять всех в подряд, многие относились к нам с пониманием, но далеко не все были такими.

Я поссорился со своей девчонкой из-за того, что кто-то ей сказал, будто все Афганцы наркоманы, хотя сама она наркоманов в то время в глаза не видела.

Когда собирались с мужиками "квасить", меня, бывало, спрашивали:

-- А тебя не клинит случайно, когда выпьешь?

-- Если еще кто-нибудь спросит, то заклинит, -- отвечал я.

Когда устраивался на работу, то промолчал, что служил в Афгане. И справку о контузии, которую мне нашлепали в санчасти, я выбросил по совету одного майора медика. Спасибо этому майору за совет, он мне сказал:

-- Тебе, парень, жить еще да жить, военный билет я тебе пачкать не буду, а справку о контузии выбросишь, после того, как получишь деньги в Ташкенте за ранение, и она тебе больше не понадобится, а навредить в дальнейшем может.

Он как в воду глядел, если бы я показал кому эту справку, то

меня даже сторожем не взяли бы.

Кому нужен на работу Афганец, да еще контуженный? Я и сейчас-то не говорю никому об этом, по нынешним временам из тебя дурака сделают еще быстрее, чем раньше. Хотя я себя дураком не считаю, и здоровье у меня не хуже, чем у любого, и контролирую себя получше многих, в голове, правда, шумит временами, но это не смертельно, и тем более не опасно для окружающих.

Когда получил в военкомате удостоверение на льготы, во, подумал, не забывают нас, Афганцев, льготы какие-то выдумали. И после того как женился, решил пойти насчет квартиры заявление подать, думал, без проблем все это, напишу -- и поставят на очередь. Но мне сказал местком, что льготы эти пусть тебе предоставляют те, кто их придумал. Меня взяла злость, но этому придурку повезло, я как раз был трезвый в это время, и поэтому проглотил его слова и молча вышел, а про себя подумал, да кто ты такой, чтоб перед тобой пресмыкаться, подавитесь вы все этой хатой.

А как-то на праздник 23 февраля собрались Афганцы в красном уголке -- в организации, где я работал нас было девять человек с Афгана -- ну, естественно, немного поддали, и я решил все же подойти к главному инженеру с вопросом насчет квартиры, он в это время замещал начальника. А тот как начнет орать:

-- Вы -- Афганцы -- меня заколебали, то вам отпуск давай, когда захотите, то квартиру вам давай, да если честно сказать, если бы я знал, что ты Афганец, то вообще тебя на работу бы не взял, с вами одни проблемы!

Тут я не выдержал и дал ему по зубам, и меня через полчаса забрали менты. В дежурке сидели два мента и капитан, я знал этого капитана, он еще до армии мне нервы помотал, козел-козлом, короче говоря.

Он перегнулся через стол и, глядя на меня в упор, ехидно так заявляет:

-- А, это ты опять? Думаешь, если в Афгане отслужил, то тебе ничего не будет, а мне вот плевать, что ты Афганец.

Меня аж передернуло, и вспомнился случай, как менты убили одного Афганца. Это было в начале 80-х, я про Афган еще ничего не знал, слышал, что там война какая-то, в то время еще все только начиналось, и мало кто знал, что там за война. Один парень с нашего города вернулся с Афгана, я его не знал лично, слышал, что ему оторвало кусок черепа и теперь часть головы у него из пластмассы. И естественно, что с психикой у него было не все в порядке, а по пьяне он вообще гусагонил страшно.

Как-то менты забрали его за мелочь какую-то, ну и как это

раньше было в ментуре принято, начали его молотить, ну и он тоже попер на ментов, те завалили его и начали пинать, и какой-то козел ударил его по голове, как раз в то место, где была пластина, и убил. В то время такой залет не вписывался в пролетарские понятия нашей власти, и это решили скрыть, к тому же про Афган в то время говорили шепотом, и старались не замечать, что там война. Тех ментов, кто был непосредственно причастен, перевели куда-то, и на этом все закончилось. А тут я сам прошел Афган, и передо мной мент, который был в то время в ментуре и помнит тот случай. Такое вытерпеть было выше моих сил, да я еще поддатый хорошо был, и заорал ему в лицо:

-- Козел ты хренов, думаешь, форму напялил, и тебе ничего сделать нельзя?

И въехал ему в лоб, он отлетел и грохнулся на стул, шары у него на лоб вылезли от неожиданности и удивления. Меня тут же заломали два мента, которые были в дежурке, не успел я ничего понять, как оказался на полу в наручниках, и меня уже пинают сапогами. Капитан начал кричать:

-- Не бейте, пришьем ему покушение на форму!

И вдруг удар по голове, и я потерял сознание; очнулся в телевизоре (камера с решетчатой дверью), голова моя была вся в крови. Утром меня повели на суд, и судья объявил мне пятнадцать суток. А если бы мне не пробили башку, то пришили б покушение на форму и дали три года, не меньше.

И после этого я за льготами никогда не ходил, и даже толком не знаю, какие они там вообще. Жена поначалу ходила, чего-то там пробивала, но все было бестолку, а я сказал, что не пойду, и никогда меня об этом не проси.

Еще много всякого приходилось слышать в связи со службой в Афгане. Но я уже успокоился, и думаю, да черт с ними со всеми, главное -- живой пришел с Афгана, руки, ноги на месте и голова вроде в порядке, а что еще надо мужику?

Теперь вот война в Чечне, что придется пережить этим ребятам, и как их Родина отблагодарит -- неизвестно, и как отнесется к ним общество -- тоже не ясно. И еще неизвестно, где трудней, на войне быть, или после войны жить. А в стране нашей доблестной меняются только названия, а люди все те же, и какая разница, как весь этот бардак назвать, коммунизм или капитализм, а хрен все равно не слаще редьки. И как современную молодежь не хают, а когда надо, она всегда спасает честь страны и задницы политиков, которые эту кашу заваривают.

Я неоднократно слышал вопрос об уровне патриотизма у Афганцев, находились мудрецы, которые ставили нам в пример американских призывников, сжигавших повестки у военкоматов в

знак протеста против войны во Вьетнаме, а мы будто б покорно шли на убой.

Я не измерял уровень патриотизма, и понятия не имею, как он измеряется, и не знаю, что там делали американские призывники, мне на них наплевать. Но что касается нас -- Советских Афганцев, то я расскажу вот что. Начну по порядку.

ПРИЗЫВ

Я должен был призваться в 83-м, но из-за неладов с законом я опоздал на 2 года и призвался в 85-м. Повестка была на 1 июня в стройбат, и я спокойно работал, ожидая отправки. И как-то вечером 15 мая, когда я спал дома (мне надо было идти в ночную смену), меня вдруг разбудил какой-то парень. Вручил мне повестку и сказал, что он из военкомата, и что я должен появится сегодня в 23.00 на ЖД вокзале для отправки в армию по спец команде 20а, то есть через семь часов. Я спросонья не могу ни чего сообразить, мать должна придти с работы через два часа, отец в рейсе и приехать должен на следующий день, а братишка поехал с ним. Я по быстрому оббегал друзей и девчат, кого смог, закупил водки и вина, благо на днях выдали зарплату. Мужикам с работы поставил ящик вина, из родственников мать позвала, кого успела. Сели, посидели, и ночью я укатил служить, из близких родных попрощаться успел только с матерью.

Рано утром я был в областном центре. С вокзала нас привезли в облвоенкомат, зачитали по спискам, потом в автобус и в аэропорт, даже не было медкомиссии, которая всегда бывает, когда привозят в облвоенкомат, и к обеду того же дня я был уже в Питерской учебке, толком еще не отрезвев.

УЧЕБКА

Нас сводили сразу в баню, выдали форму, и дали два часа, чтоб привести эту форму в порядок, а потом начали дрючить прямо с первого дня. Учебка была общевойсковая и уставная, здесь были десантура, морпехи, погранцы и мотострелки, отсюда отправляли даже на Кубу. Сержанты были наполовину из Западной Украины, дрючили нас до предела человеческих возможностей. Были и передышки от службы, и в месяц раза 2-3 по выходным нас водили на концерты и по музеям, каждый из нас один или два раза сходил в увольнение. Наш комбатареи майор Кодрин начинал службу рядовым курсантом в этой учебке, потом сверхсрочником, прапором, потом младшим лейтенантом и так до майора, без учебы, а чисто службой, он был до мозга костей солдат, и относился ко всем соответственно, расслабухи не давал.

Через пять месяцев, после всевозможных марш бросков, полевых разверток, стрельбищ, строевых, политзанятий и физподготовок из меня, абсолютного раздолбая, сделали

универсального солдата, натасканного физически, морально, политически, да как хотите. Я с трудом верил в то, кем я стал, но недаром говорят, что возможности человека безграничны, и мне очень помогла эта учебка впоследствии.

В учебке с командой 20а было 60 человек, мы знали, что эта команда идет в Афган, и слышали, что там война, но не осознавали полностью, что это такое -- Афган. И я уже не помню в подробностях, о чем думал перед раскидкой.

Ночью майор нас построил на плацу, никаких торжественных напутствий не было, он каждому из нас пожал руку, пожелал вернуться домой, и я заметил, что у этого закоренелого военного и железного командира на глазах были слезы, видно, ему в тот момент больше было известно про Афган, чем нам -зеленым курсантам. Потом нас отвезли в аэропорт, посадили в самолет, и под утро мы приземлились на Ташкентский военный аэродром.

ПЕРЕВАЛ-БАЗА

Несколько часов мы просидели на военном аэродроме, потом нас погрузили в грузовики под тентом, сколько ехали, точно не помню. И вот мы в Чирчике на перевал базе, начало октября, но жара как в августе. Весь личный состав перевал-базы вместе с офицерами улетел в Ашхабад, для оказания помощи, там в это время было очередное землетрясение. На базе остались несколько сержантов и один майор, который появлялся вечером, и зачитывал списки, а утром кто-то уже отправлялся за речку (так мы называли путь в Афган). Нас понаехало сотни со всех концов необъятной родины, и предоставлены мы были сами себе, все документы и вещи были при нас. И после уставной учебки, где за день даже сигарету некогда было выкурить, я попал в бесконтрольный бардак и пробыл там девять дней. По рассказам кое-что узнал об Афгане, и знал на сто процентов, что не сегодня так завтра окажусь там. Вино пили немеряно, его продавали местные по 3 рубля за литр, а деньги нам были не нужны и мы их пропивали. В это время как раз действовала Горбачевская мудистика насчет борьбы с пьянством, и не все продавали вино, так что приходилось искать, но кто ищет, тот всегда найдет. Каждый раз за вином ходили через заднюю ограду, а за оградой кладбище было -- все в звездах, потому что почти каждая вторая могила из Афгана, так что мы все прекрасно понимали, куда нас отправляют. Была возможность просто взять и уйти куда хочешь, и неизвестно, когда тебя кинутся искать, но у меня в то время даже мысли такой не возникало. По рассказам местных, не было ни одного случая, чтоб кто-нибудь испугался и сбежал. Каждый из нас понимал: раз выпала такая доля, значит, ты должен быть там, и если не ты, то кто-нибудь другой, такой же как ты, заменит

тебя.

Были случаи, что забухает кто-нибудь и в поселке на ночь застрянет, но никто не волновался, и называли следующую фамилию по списку, а этот завтра явится, никуда не денется. И мне приходилось видеть, как на другой день пацаны переживали из-за того, что полетят не сегодня, а завтра, и что вместо них сегодня полетел другой. Может, этим измерялся наш патриотизм, но это ведь в двух словах не опишешь, и поэтому я на такие вопросы не отвечаю.

И еще, когда я пришел из Афгана, мне все знакомые задавали один и тот же вопрос:

-- Расскажи, сколько душманов убил?

Это самый глупый вопрос, какой приходилось мне слышать, такие вопросы не стоит задавать тем, кто был в горячих точках. Ведь когда нас посылали воевать, то не спрашивали про личные убеждения, и для многих осознание того, что ты убивал людей, или убили на твоих глазах пацана, такого как ты (я уже не говорю о друге, это тяжелый удар для любого), впоследствии тяжелым грузом давит на психику. Там этого не осознаешь, потому что на войне другие понятия о законе и морали, и убивать -- это была наша работа. А сейчас остается помнить о тех, кто не вернулся оттуда, это наш долг, и поэтому, когда мы пьем, то третий стакан за них.

И вот наконец-то назвали из списка несколько фамилий, и мою в том числе. В какую точку Афгана нас направляют, мы не знали, хотя слышали из разговоров о таких местах как Кабул, Кандагар, Баграм, Шиндант. Нас опять посадили в грузовики и доставили в Ташкент на военный аэродром, посадили в самолет ТУ-134, и мы полетели за речку. Помню, в салоне играла восточная музыка, и я представлял себе душманов, почему-то танцующих вокруг костра, и было полное безразличие ко всему, только какая-то тревога скребла душу.

И вот стюардесса объявила, что мы приземляемся на аэродром Шиндант.

ШИНДАНТ

После удачного приземления, когда мы покинули самолет, я увидел, как в него начали садиться дембеля, мы, прилетевшие из Союза, были их заменой. Я помню, как они смотрели на нас, с радостью и сочувствием, а мы думали, что когда-нибудь, если повезет, мы вот также будем лететь домой, но служба только начиналась.

Нас на ночь разместили в палатке, а утром должны были распределить по подразделениям. Со всех сторон разносилась стрельба автоматная, пулеметная, минометная, в общем,

непонятная канонада, мы не могли понять, что происходит и куда мы попали. К нам в палатку заглядывали пацаны и искали земляков, спросили:

-- Есть кто с Казахстана?

-- Есть, -- ответил я, и они меня пригласили к себе в подразделение поговорить и рассказать, как там жизнь на родине.

Я спросил:

-- Что за пальба вокруг?

-- Аэродром 2-3 раза за ночь обстреливают духи, вот пацаны и долбят по горам, чтоб пошугать их немного, -- ответили они.

Еще они сказали, что меня и еще пятерых отправят в Герат служить, двоих в Адраскан, остальные останутся в Шинданте. Там же в Шинданте я первый раз попробовал с земляками афганский чарс (гашиш). Эффект был трубейный, я улетел капитально. По гражданке я знал, что такое анаша, и видел, как ее курят и балдеют, хоть сам и не курил. Но чтоб так накрыло, я и не думал: афганский чарс -- это не анаша, да еще с непривычки нахапался. Начались измены, и думки разные в голову полезли, да еще стрельба снаружи, и все вокруг не знакомо и странно. Меня стали шуги пробивать, и я решил -- надо как-то до палатки добираться, а встать не могу. Пацаны говорят: оставайся, здесь переночуешь, а мне как запало, в палатку надо и все. Я пытаюсь встать, а меня тянет назад, и я падаю снова в кровать. Потом кое-как встал, согнулся и, расставив в стороны руки, мелкими шагами поковылял к выходу, но не дошел до двери, как меня занесло, и я снова упал в кровать. Пацаны вырубались со смеху, ничего, говорят, привыкнешь. А я ищу, где бы воды хлебнуть, а то сушняк ураганный, но мне посоветовали не делать этого, потому что бесполезно. И мне осталось думать, когда же это кончится, даже возникала мысль, а вдруг это не пройдет никогда, и я буду тормозить вот так всю жизнь. Потом пацаны врубили магнитолу, на кассете пел "Каскад", эту группу знают все, кто был в Афгане, и я прикололся под кайфом по песням. И вот так, обкурившись чарса, слушая снаружи стрельбу, а внутри песни "Каскада", я мысленно сказал себе: ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В АФГАН.

ГЕРАТ: ПОЛК # 12

Утром нас посадили в БТР, и мы направились в Герат, по пути мы находились на броне и с интересом глазели на горы и сторожевые заставы, или, как их там называли, "точки", располагались они по обеим сторонам бетонки. Слева по ходу проходил керосин-провод, который и охранялся этими точками. На тех точках, что слева, находились насосы для перекачки керосина, их так и называли -- перекачки. Керосин этот предназначался для военной авиации, и на керосин-проводе

частенько происходили диверсии, это было наше слабое место.

Нас определили в 12 гвардейский полк, командовал полком в то время подполковник Карабанов, начальником штаба был майор Барабанов. И в этом полку я прослужил с октября 1985-го до августа 1987-го, то есть 22 месяца.

По прибытию в полк мы построились возле какой-то палатки, там нас ждали офицеры и прапор, они спрашивали, кому какая должность была присвоена после учебки. Потом двоих забрали в разведку, одного к саперам, а меня и еще двоих в ремроту.

Я заметил, что весь полк состоял из палаток, как на развертке в полевых условиях. Модульными были только санчасть и магазин, все остальное в палатках -- столовая, склады, оружейные комнаты и даже штаб, кухни тоже были полевыми, а парк и ремзона были огорожены колючей проволокой.

Наш полк перебросили в Афган в марте 1985 г. из г. Даугавпилса, и предназначался он для поддержки 101-му полку, который там находился с 1979 г. и располагался на другой стороне бетонки, километрах в трех от нас. А я попал в 12 полк в октябре 1985 г., через 4 месяца после ввода, поэтому полк не успел отстроиться, и находился в полевых условиях, и хотя со временем полк потихоньку расстроился, но все равно -- два года, которые я там прослужил, мы прожили в палатках.

Палатки были на 60 человек и отапливались двумя буржуйками, но зимой мы не мерзли, в общем, жить можно было. Многие подразделения обивали палатки изнутри щитами от ящиков из-под снарядов, и получались как бы деревянные домики, и смотрелось хорошо, и зимой меньше задувало, и не так колыхалась палатка от ветра, а бывало, что фляжки с брагой прятали между палаткой и деревянной стенкой.

РЕМРОТА

Когда старшина привел меня в роту, ко мне подошел командир 1-го взвода прапорщик Садыков и спросил:

-- Ты после учебки, так?

-- Да, так -- ответил я, и он продолжил:

-- Теперь слушай и запоминай, кто ты с этого момента, а ты нештатный мой заместитель, так как по штату нет замкомвзвода в 1-ом взводе, далее ты штатный командир 1-го отделения, потом мастер по ремонту стрелкового вооружения, артвооружения, мастер по ремонту САУ и танковых пушек, а также танковых стабилизаторов, и наконец, пулеметчик на броне-тягаче, пулемет твой ДШК.

Я не только не знал всего этого, но даже не запомнил, что он нагородил, и ответил, что почти ничего не знаю. На что он сказал:

-- А я тоже не знаю всего этого, -- и спросил -- может, командиром взвода хочешь быть?

-- Нет, не хочу, -- сказал я.

И взводный гаркнул:

-- Тогда будешь тем, кем я сказал, и разговор закончен, а сейчас принимай отделение.

Пацаны мне потом сказали, что взводный мужик упрямый, и спорить с ним бесполезно. Тем более, что он только с госпиталя: БТР в котором он ехал, духи прострелили с гранатомета, и под сидением, где сидел Садыков, взорвалась граната. Сам он остался цел, а вот задницу потрепало немного, и теперь он злой ходит, а в общем -- мужик нормальный. Я это принял к сведению и больше с ним не спорил, а мужик он и вправду оказался нормальный.

Так началась моя служба в ремроте, в которой я прослужил почти год, а остальное в пехоте, но об этом позже.

Освоился я быстро, потому что некогда было разбираться, и по ходу усваивал все специальности, что нагрузил мне взводный.

В полку в это время был траур, в августе на Кандагарском рынке (район в Герате) духи расстреляли 8-ю роту пехоты. Поначалу, как только полк вошел, командиры рвались в бой, все-таки новая техника и свежие люди. Командование из 101-го полка предупреждали наших, чтоб не совались на Кандагарский рынок, но наши их не послушали, первое боевое крещение как-никак. Результат плачевный: девять человек убиты и море раненых. А вышло по старому сценарию, который практиковали духи.

По рассказам пацанов (за точность пересказа не ручаюсь, потому как не был там), отправились они в обыкновенный полковой рейд в старый Герат, где хозяйничали духи. Комбат решил зайти на знаменитый рынок, а улицы узкие, негде БТРу развернуться. Первым шел танк, за ним БТРы 8-й роты, вроде ничего подозрительного, странным показалось одно, то, что в один момент с улиц исчезли все жители и наступила тишина, вокруг не души. И вдруг взрыв, подорвали первый танк и последний БТР, рота оказались в западне, и началась пальба, наши палили куда попало, а духи из засады вели прицельный огонь. Пока подоспела помощь, уже горели все БТРы, а духи смылись как всегда.

Один солдат, который остался в живых в этом бою, выстрелил себе в сердце, чтоб не сдаться в плен, пуля прошла навылет рядом с сердцем, и духи приняли его за мертвого. Но он чудом остался жив и, находясь в госпитале, описал на бумаге, как все происходило, и отослал письмо в полк.

У него с другом сержантом закончились патроны, и осталось по одному патрону для себя, а духи уже подошли вплотную, и

слышно было, как они болтают между собой, и тогда первым застрелился сержант, он выстрелил себе в голову, и ему снесло полчерепа, потом выстрелил себе в сердце этот парень, но очнулся не на том свете, а в госпитале: он, можно сказать, второй раз на свет родился. И после этого случая 12-й полк начал вести себя осмотрительней в рейдах.

А что касается плена, то все были наслышаны о нем, и попадать туда никто не хотел, уж лучше застрелиться. Бывало, что пленных угоняли в Пакистан или Иран и использовали на разных работах, а если повезет, то обменивали на духов, которые были у нас в плену. Но часто бывало, что духи пытали наших пацанов, а пытки на востоке изощренные, об этом многие знают, и уж лучше смерть, чем эти пытки. Одна такая называется "красный тюльпан", это когда человека подвешивают за руки и, накачав предварительно наркотиками, подрезают кожу подмышками вокруг тела, а после, сдирая заворачивают ее до пояса. И пока действует наркотик, человек не чувствует боли, но когда действие наркотика со временем проходит, человек или сходит с ума или умирает от боли.

Мы, бывало, тоже со злости издевались над духами, но эти издевательства заканчивались тем, что мы или пристреливали их или подрывали. Хотя, помню, был один случай, когда я служил в пехоте, мы привязали духа веревкой к БТРу и тягали его за собой целый день как мешок, по дороге стреляли в него из автоматов, а когда от него осталась одна нога и полтуловища, обрезали веревку. Но я не считаю это такой уж жестокой пыткой, если брать то, что они делали с нашими пацанами, хотя, кто знает, ведь недаром говорят "зло порождает зло".

Одного бойца с нашего полка обменяли на пленного духа, этот боец сам ушел к духам и, как рассказывали, он заранее готовился к этому. После обмена его водили перед строем полка, одет он был в духовский халат и чалму. Повоевать против своих он еще не успел, и трибунал дал ему 6 лет усиленного режима.

А про одного такого "рембо" слышали многие, кто служил в это время в Шиндантской дивизии. Сбежал к духам гранатометчик из Шинданта, и сколотил свою банду, кличка его была "Рыжий", про него много разных легенд ходило, и уже не поймешь, где правда, а где вымысел. Много хлопот он доставил нашим ребятам, говорили, был неплохим гранатометчиком и подрывал не раз наши БТРы. Я слышал, будто бы его уговаривали вернуться, и обещали не преследовать, но он не согласился на эту уловку, отвечал, что надо было раньше думать, когда меня в полку чмырили все подряд. Ходили слухи, будто бы его замочили под Кандагаром, не знаю, сам там не был, но разговоры такие

слышал.

Дедовщины, такой, как про нее рассказывают те, кто служил в Союзе, у нас не было, хотя деды припахивали чижей (в Афгане так называли молодых) как положено и, бывало, немного прикалывались ради хохмы, но до беспредела не доходило. Частенько чижей, которые только приходят с Союза, обкуривали чарсом, а потом угарали с них, они на изменах все, метаются по палатке и воду хлещут, а сушняк через пять секунд опять такой же, и вот они с перешуганными глазами начинают тормозить и творить разные приколы, хохма такая, что не опишешь словами. Были, конечно, такие, кто уже знал по гражданке, что такое анаша, и многие ее уже курили, это в основном те, кто с Азии, а были такие, кто вообще не знал и не видел, что это такое, вот с них и прикалывались, но это только по началу, а потом они быстро въезжали, что к чему. Чьмыри тормознутые, конечно, тоже были, чего греха таить, не без этого, и гоняли их как сук, но это неотъемлемая часть нашей армии, и в любом подразделении хоть один такой, но найдется. В семье, как говорится, не без уродов, таким оружие в руки не давали и дальше полка не выпускали, а применяли на хозработах, на гражданке такие были маменькиными сыночками, и к суровым условиям и чисто мужскому коллективу они были не приспособлены, а к войне тем более. И в армию таких лучше вообще не призывать, правда, сейчас есть альтернативная служба какая-то, вот пусть там и служат.

А в основном в Афгане служили нормальные пацаны, и если надо, то они могут постоять за отечество и не опозорят ни свою честь, ни честь отчизны. А в мирной жизни мы такие же нормальные, как и все, только повзрослели раньше, и пережили больше, и не хотим войны, потому что знаем, что это такое, жаль только, что нас не все понимают.

Был такой случай на танковой точке, что стояла на охранении полка. Сержант-дед решил подрочить чижей, взял АКС и начал стрелять чижам под ноги, и одному прострелил ступню. Тот с простреленной ногой заскочил в капонир (углубление в виде землянки), схватил АКС и разрядил рожок в сержанта. После этого случая стали думать, заниматься беспределом или нет.

У меня отношения с дедами и дембелями были дружеские с самого начала, может потому, что мы были ровесниками, мне было 20 и им тоже, может потому, что я успел в тюрьме посидеть перед Афганом, в общем, не знаю точно, но ко мне не относились как к чижу, и многих обломов по молодухе мне удалось избежать, и это не так уж плохо, если честно признаться.

Первый мой рейд прошел без происшествий, простояли трое

суток под Гератом, вблизи артдивизиона, пока те долбили по старому Герату, даже негде было пострелять, чтобы пулемет проверить. А вот в другой раз мне пришлось пережить небольшой обстрел, и немножко испугаться. А дело было так.

Ко мне в оружейку заскочил летеха, наш ротный замполит, и сказал, чтоб я бежал на тягач, поедем танк вытаскивать из ямы какой-то. Пулемет говорит не надо брать, некогда с ним возится. Но я все же взял ДШК, хоть он и тяжеленный падла, но допер все-таки его до тягача, который стоял в конце парка, думал, может, проверю где-нибудь за полком, не стрелял еще с него не разу. На ходу установил его на башню, если ее можно так назвать: башня у тягача это две защитные плиты по бокам в два пальца толщиной и пулемет на станине, а сам пулеметчик сзади и спереди весь открытый как на ладони.

В охранение взяли наш ремротовский БТР, на семь человек 4 автомата и ДШК на тягаче. Летеха сказал:

-- Недалеко, километров 10 от полка, танк с бетонки слетел в яму какую-то, танкисты не стали возиться, пересели на другой танк и вызвали тягач, а сами укатили, надо быстрее забрать, а то духи заминируют.

Подъехали к тому месту, действительно, танк полулежит в овраге возле бетонки. Мы на тягаче съехали вниз, а БТР остался на бетонке. Я спрыгнул с тягача, чтоб сцепить танк тросом и вдруг рядом разрыв и свист пуль, я обратно запрыгнул в тягач, и не могу понять, в чем дело, механник-водитель литовец, одного со мной призыва, крикнул мне, что с кишлака стреляют. А сверху БТР без башенных пулеметов, и четыре автомата всего, они стреляют по кишлаку, а кишлак полтора километра от нас, от автомата толку нету, а духи с гранатомета и ДШК лупят. Я запрыгнул в башню, хорошо, что ДШК взведенный был, и давай тоже лупить по кишлаку, а духов не видно, хрен знает, откуда они мочат, я вижу внутри кишлака что-то шевелится, и давай туда поливать, а духи это или нет, черт их знает. Летеха орет нам, чтоб мы выезжали на бетонку, и сматываемся, а то с одним пулеметом против гранатометов не долго протянем, да и по тому, как пули ложатся, видно, что спаренным ДШК долбят. Мы скорее сваливать оттуда, а потом уже вызвали по рации авиацию. Прилетели четыре вертушки, сделали пару заходов по кишлаку, минут через сорок подкатила пехота и прочесала кишлак. Потом мы подцепили танк и утащили в полк, на этот раз обошлось, и никто не пострадал, отделались, как говорится, легким испугом, если можно назвать его легким. После этого всегда выезжали за полк в полной боеукладке. Был даже случай, что пацанов обстреляли духи на полковой свалке, в километре от полка, так что почти

всегда автомат носили с собой, а оружейки не закрывали на замки, как это было положено, а только прикрывали дверь.

Один случай произошел в 101 полку, с механиком-водителем тягача. Во время рейда в Герат или пригород Герата, я точно не знаю, 101-й полк попал под обстрел, и духи подорвали тягач. После всей этой заварухи полк вернулся в расположение, а на утро выяснилось, что нет тягача с механиком, впопыхах про него просто забыли. Одна причина: тягач подорвался, и механик остался в нем, и тут же решили вернуться. Тягач стоял на месте, но люки были задраены изнутри. Начали кричать:

-- Свои пришли, открой люк!

-- Не могу, -- ответил изнутри механик.

После долгих усилий люк сорвали снаружи (сорвать задраенный люк не так уж легко) и залезли в тягач. Внутри сидел механик с двумя гранатами в руках, гранаты были без колец, и просидел он с этими гранатами в руках всю ночь. Когда ему сказали, чтоб выбросил гранаты, он не смог разжать пальцы, так они занемели и офицеры потихоньку, чтобы не отлетела чека, разжимали по одному пальцу и, в конце концов, освободили гранаты из его рук.

По словам механика, когда он понял, что вокруг никого нет, и наши уехали, то задраил люки и стал ждать. Ночью пришли духи и стали лазить по тягачу, сняли пулемет ДШК, потом стали ковырять люки, и тогда он взял в руки по гранате и зубами вырвал кольца, думая, если залезут, то взорвет себя и их. Но духи не знали, что в тягаче есть кто-то, и вскоре ушли, а механик так и остался сидеть с гранатами в руках, так как отпустить он их не мог и выкинуть тоже. Но, слава богу, все обошлось, вовремя спохватились и вернулись за ним. Мне это рассказали пацаны из 101 полка, мы к ним частенько ходили, там был хороший магазин, а механика этого мне встречать не приходилось.

Еще в 101 полку был хороший клуб, и мы ходили туда, если кто приезжал с концертом, правда, это было не часто. Я за два года был два раза в этом клубе, один раз приезжали какие-то артисты с Москвы с танцевальными номерами, и то они выступали не в клубе, а на улице. Подъехали четыре "Урала" с откинутыми бортами, и получилась сцена. А другой раз прилетел Александр Розембаум, классный был концерт, я тогда первый раз услышал песню "Черный тюльпан", хорошо мужик поет, ничего не скажешь. Жалко, что "Каскад" ни разу не пришлось увидеть, во время войны в Афгане они были очень популярны, да и после войны тоже, и сейчас я их частенько слушаю. А были времена, когда "Каскад" запрещали в Союз провозить, и отбирали кассеты с их записью на таможне. Нам много чего запрещали: дембельские

альбомы, дукановские вещи, фотографии с оружием и номерами бронетехники, про эротику я уже вообще молчу, а ее в Афгане было навалом, от наклеек до журналов, и порножурналов тоже хватало, но в Союз это везти было нельзя, облико-морале, панимашь.

Пулемет ДШК мне нравился, не капризный, простой в обращении и лупит дай боже, только шумно работает и без шлемофона оглушает своим грохотом, но это можно пережить. А пулемет КПВТ, что в башне БТРа, капризный страшно, хоть и калибр у него побольше, чем у ДШК. Но за ним следить надо постоянно, затвор у него слишком навороченный, и он то клинит, то утыкается (это когда патрон не попадает в патронник и торчит ни туда ни сюда), утыкание -- опасная штука, многие пытались загонять патрон в патронник при помощи отвертки и молотка. Был случай, когда один наводчик с БТРа пытался это сделать, а пуля оказалась разрывная, да еще под башней неудобно, стоишь скрюченный весь, ну патрон и взорвался, пацану разнесло все лицо в клочья. Я постоянно говорил пацанам, случись чего с пулеметом, обращайтесь ко мне, у меня в оружейке были все запчасти на все оружие, и затворов этих я перебрал уйму и знал, что там за причины.

Я один был в полку оружейник, хотя в Афгане каждый знал устройство своего оружия. Но у меня были все запчасти, и поэтому приходилось постоянно где-то разъезжать, то по заставам (наш участок был от Герата до Шинданта), то по точкам охранения полка, да и в полку работы море, да еще как рейд, так мой тягач с танкистами идет. С артдивизионом было без проблем, там пацаны сами за САУ смотрели, а ко мне приходили только за противооткатной жидкостью. Танкисты обращались, бывало, но не очень часто, и на мне оставалась должность замкомвзвода, стрелковое оружие и ДШК на тягаче, а то если б на меня насели артиллерия с танкистами, я бы вешался вообще. Подчинялось мое отделение службе РАВ (ракетно-артиллерийское вооружение), и офицеры с роты не могли мне приказывать, что делать, а что нет, и прежде чем меня куда-нибудь припахать, они спрашивали разрешение у начальника службы РАВ. А тот всегда отвечал, чтоб меня никто никуда не дергал, за исключением боевых действий, я на них был и как пулеметчик и как мастер по вооружению.

Один раз вызвал меня начальник службы РАВ к себе и сказал, чтобы я шел на склад, там оружие духовское, что с каравана взяли, стволы я должен был снять, а остальное железо подорвать(у оружия основное ствол, а остальное просто железо, есть ствол есть оружие, нет ствола, нет оружия).

Пришел я на склад, смотрю, гора оружия лежит, чего там

только нет, какие-то винтовки непонятной конструкции, АКСы и ДШК китайского образца, даже ППШ со времен Отечественной, где они его откопали -- непонятно. Я взял в руки ППШ, передернул затвор и пальнул разок: аппарат трубейный, как с ним воевали, не знаю, неудобный какой-то и видуха топорная. Еще были винтовки английские, маленькие, полметра длиной, ей только мух из-за угла хлопать. АКСы -- те копия наших, только приклад снизу откидывается, а у нас сбоку, ДШК скопирован один к одному, одно отличие, черным лаком не покрыты и номеров нет. Стволы я снял с АКСов и пулеметов, остальной хлам связал, отнес за склад, залепил пластитом и подорвал. Стволы сдал прапору на склад, а один от ПК (пулемет калибра 7,62) оставил себе на всякий случай. Уже после я с этого ствола собрал новенький пулемет, все прибамбасы у меня были, кроме стволов, они на особом учете. Были случаи, что продавали стволы духам, но я этим не занимался и от своих знакомых не слышал такого. Патроны приходилось толкать, в 1987 году духи хорошо брали пистолетные патроны от "Макарова", зачем они им нужны были, не знаю, но стоили дорого 15 тысяч афганей за цинк, в полку они быстро стали дефицитом. Меняться патронами тоже приходилось, мы им давали патроны калибра 7,62, а у них брали разрывные китайские патроны для ДШК, наши патроны при выстреле через полтора-два километра взрывались на лету, а китайские летели до конца и разрывались при ударе о препятствие, с них удобно было обстреливать горы с далекого расстояния.

И этот пулемет, который я собрал, долго лежал у меня в оружейке, он так бы и пролежал там без дела, если бы не один случай. Зашел как-то ко мне в оружейку один летеха с точки, и начал как-то издалека наводить меня на тему, мол, есть ли у меня возможность достать ствол. Я сказал:

-- Вообще такой возможности нет, но исключения бывают, ты скажи прямо, в чем дело, а там подумаем.

Оказалось что у него на точке бойцы пролупили пулемет РПК, и ему теперь в случае чего -- хана одним словом. Если я ему помогу, то обещал по возможности сделать все, что я попрошу. Я предложил ему ПК, летеха без раздумья сказал:

-- Подойдет, конечно, лишь бы пулемет был и номер совпадал.

Номер я ему наклепал, в летучках был специальный набор клейм. Летеха радовался как дите, говорил, чтоб я в любое время подходил, просил, что хочу, все сделает. Через недельку этот летеха зашел ко мне в оружейку, принес 2 бутылки кишмишовки и дал мне 500 чеков, и после этого не раз подгонял мне бакшишы (подарки), бывало, чарс присылал с бойцами, хотя я у него ничего

не просил, просто помог и все.

Хочу отметить полковую разведку, наши разведчики были лучшие в дивизии, по крайней мере, так сказал комдив. За два года, которые я там пробыл, у разведчиков не было ни одной потери, раненые были, но убитых ни одного. Командира рзведроты представляли к званию Героя Советского Союза за захват крупного душманского каравана с оружием, медикаментами, одеждой и продуктами для банды, но наградили орденом Красного Знамени. Разведчики в полку вообще не жили, а постоянно мотались по иранской границе (она была от нас в 50-ти километрах) и окрестностям Герата, вычисляя караваны с оружием и духовские притоны.

Как-то раз разведчики притащили захваченный караван в полк, оружие и боеприпасы с него они подорвали на месте. Пару барбухаек (так называли духовские машины) загнали в ремзону. Одна барбухайка была загружена мукой, а другая разной дрянью. Мы естественно начали растаскивать все, что осталось после разведчиков. Там было навалом разной дряни, конфеты, чай в мешках, тушенка импортная, лекарства разные, от витаминов до опиума, шмотье всякое, в общем, прибарахлились немного. А барбухайку с мукой решили отдать в союзный (те, что помогали нашим, потому что другого выхода не было, так как стояли недалеко от полка) кишлак, этот кишлак позже духи вырежут весь. Потом пришел парнишка из разведки и сказал, что в кузове с мукой лежит раненый дух. Мы посмотрели в кузов, и точно -- дух лежит, только не раненый, а мертвый, по дороге, наверное, окочурился. Ротный сказал, чтоб утащили его за ремзону и закопали, я тогда первый раз увидел мертвого духа. Мы отперли его за ремзону на свалку, облили солярой и подожгли, лень было яму копать.

В окрестностях Герата заправляла банда Турана Измаила. Сам он закончил Ташкентское высшее военное училище, и в Союзе его звали Толик Измайлов. А потом он в Афгане организовал свою банду и воевал против нашей армии. Замполит 101-го полка, в последствие он станет командиром этого полка, тоже учился в этом училище в одно время с Тураном, и знал его лично. Они часто встречались на переговорах, и благодаря этому многих стычек удавалось избежать, а значит, сохранить жизни многих солдат.

Как-то нас отправили сопровождать подорванную технику, снарядили колону из БТРа, тягача и двух тралов с подорванными БТРами. Должны мы были доставить разбитую технику на границу с Союзом в Тургунди. Был август месяц жара страшная, какая обычно бывает в Афгане, еще ветер-афганец и пыль

столбом. Старшим был наш замполтех, подполковник по прозвищу "Жменя", у него привычка была отказывать словами "х..й тебе в жменю", ну его и прозвали "Жменя", да и по натуре он был мужик прикольный.

Мы на тягаче заскочили на точку перед Гератом, механик на тягаче был башкир на полгода старше меня призывом, на этой точке служил его земляк, а колона дальше пошла по бетонке. Пока туда-сюда постояли, чарса курнули, минут 15-20 прошло и мы давай колону догонять. Механик говорит, что догоним моментом, тягач, мол, 80 км/ч прет. Разогнал он эту дуру по Герату, а тягач легче танка и теряет управление на такой скорости. Смотрим, через бетонку барбухайка переезжает, и видим -- не успеет перескочить, а мы ни затормозить, ни повернуть не можем. Водила с барбухайки вылетел пулей, механик мой нырнул в люк, а я в башню, через пару секунд треск такой, а тягач лишь чуть качнуло. Когда высунулись наружу, я назад оглянулся и увидел, что барбухайка вся раздолбанная валяется возле бетонки, а тягач как пер, так и прет.

Колону догнали сразу, они оказывается в дуканы заскакивали, Жменя там водку брал, и поэтому далеко от нас не оторвались. Едем дальше, Жменя сидит на броне БТРа в трусах и панаме, в одной руке литровый пузырь в другой железная кружка, а жара кошмар. И вдруг на бетонку выскакивает тойота с кузовом, увидали нас, развернулись, и обратно, а в километре от бетонки была зеленка. В кузове тойоты ДШК спаренный на станине, а оба духа в кабине, они не ожидали нас встретить. Жменя подпрыгнул и орет мне: -- Стреляй давай, возле пулемета же сидишь!

А я и сам знаю, что стрелять надо, но как назло пулемет не взводится, пылью забился. С АКСа долбить начали, не берет, а тайота сваливает в зеленку. Я схватил канистру с солярой и налил на затвор, после чего кое-как его взвел и давай долбить, а от соляры дым из затвора валит прямо в глаза, и не видно ни хрена, куда стрелять. Жменя сзади орет матом, я мочу куда попало, а пулемет дымит все больше, соляра с маслом была вперемешку. Наводчик с БТРа на броне сидел, и пока он запрыгнул и подключился, тойота нырнула в зеленку. Жменя на меня всю дорогу орал из-за этой тойоты. А взведенный пулемет оставлять опасно, иногда бывает, что оставляешь затвор взведенный с патроном, ленту только снимаешь, а когда надо, ленту кинул в лентопротяжный механизм, и стреляй, это экономит время.

Раз был случай, я оставил взведенный ДШК, дело было в рейде и мы остановились на привал. А механик мой приколоться решил от нечего делать, но не посмотрел на затвор и навел дуло

на котелок с кашей, этот котелок офицеры-танкисты поставили греть на костер, а сами рядом сидели. Механик дрочил-дрочил этот пулемет, и нажал на спуск, раздался грохот, котелок вдребезги и оба лейтенанта в каше с обалдевшими глазами. Начался кипеш, думали что духи напали, потом разобрались и механик мой по башке получил, а меня пронесло, я в это время в танке с земляками зависал. И после этого случая я стал страховаться, взведенным пулемет оставлял лишь при крайней необходимости и под личным контролем.

Бражка в Афгане самый ходовой напиток, мероприятия всякие без нее не обходятся. На афганской жаре бражка быстро бродит, три дня и готово, самогон тоже гнали, но не часто, этим занимались офицеры, а мы пили брагу и курили чарс. Один раз у меня в оружейке взорвалась фляга с бражкой. Прапор -техник наш -- попросил поставить в оружейку ко мне брагу, а когда поспеет, обещал литров 5 отлить, и предупредил, что мой взводный в курсе. Оружейка у меня была капитальная, и в ней никто кроме меня не лазил. Я согласился поставить в оружейке брагу, какие проблемы. Был август месяц, и как-то утром идем в ремзону, вдруг, не доходя до оружейки, чую запах браги, открываю, а там труба что творится. У фляги дно вырвало и все в браге: оружие, детали, стены, полы, а еще жара и духан распространился на всю ремзону. Офицеры приходят за оружием и понять не могут, что здесь творится, говорят:

-- Ты что, брагой оружие мыл, что ли, все оружие липнет от сахара и брагой от него прет вовсю.

А я им рассказывать заколебался, что тут произошло. А полы и стены впитали эту канитель, и запах остался там навсегда. Прапор, конечно, сказал, что это его вина, но в оружейке нюхать и всем объяснять в чем тут дело, и почему автоматы и пулеметы в браге, пришлось мне.

С брагой всегда проблемы были, помню, как брагу прятали от офицеров, и чего только не выдумывали, а те в свою очередь шарили везде, где можно. За чарс не очень гоняли, а за брагу гоняли страшно, вот и приходилось выдумывать, куда бы ее затарить. Особенно агрессия обострялась накануне праздников и разных традиций, наподобие стодневки. Водилы умудрялись в топливном баке ставить, пока машина в парке или в ремзоне, и для этого специально готовили баки. Некоторые привязывали за проволоку канистры и опускали в бочки с водой или топливом. Летом проще, закопал где-нибудь, и все, а зимой надо выдумывать заначки. Я в оружейке прорубил под шкафом погребок, в него как раз влезал 20-тилитровый бутыль. У летучек (автомастерские) в комплекте были маленькие дистилляторы на

3-5 литров, а это отличный самогонный аппарат, так что по мере надобности можно было и самогон забацать, только хлопотное это дело, и в основном мы пили бражку.

В общем, служба в ремроте проходила размеренно, всего было понемногу, и продолжалась она, как я уже писал раннее, почти год. А потом я встретил старлея из пехоты, а он, оказывается, служил до Афгана в Казахстане на ракетном полигоне, как раз там, где я жил, и у него там осталась семья. Мы разговорились о том, о сем, сам он родом с Питера и его после училища направили служить в Казахстан. Прослужил он на полигоне пять лет, там же женился и хорошо знал моего дядьку, который служил на полигоне прапором. А потом написал рапорт, чтоб его направили в Афган, о причине я его не расспрашивал.

Я заикнулся, что хотел бы служить в пехоте, все-таки боевое подразделение, старлей ответил, что без проблем, и он утрясет это дело. И через неделю после разговора, я уже служил в пехоте, 3 батальон, 9 рота, в должности командира отделения стрелкового взвода.

х х х

ПЕХОТА

В пехоте для меня ничего необычного не было, я знал многих пацанов моего призыва, что служили в 9-й роте, да к тому же сам был почти дед, так что все было нормально. Пехоту, конечно, не сравнить с ремротой: начались постоянные рейды, боевые выезды по тревогам, в общем, скучать не давали. Мне было известно, что пехота выполняет всю черную работу, и все-таки я хотел служить там. Хотя мне больше хотелось в разведку, но там все хотели служить. Рота наша была штрафная (негласно), сюда переводили залетчиков со всей дивизии, были такие, кому дисбат заменили службой в нашей роте, чтоб не выносить сор из избы. Но коллектив был классный, и офицеры, и бойцы, мужики с понятием. Наша рота была на всех серьезных операциях, нас посылали в охранение, сопровождать генералов и всяких крутых чинов, как наших, так и сарбосовских. Наша рота практически всегда стояла на 15-минутной готовности (в случае тревоги, мы за это время должны выехать за расположение полка, в полной боеукладке), когда находилась в расположении полка, и не разу не было случая, чтоб наши машины выехали позже заложенного времени, хотя по времени нас никто не контролировал.

И уже после службы в Афгане я часто задумывался над одной вещью. Если б не эта проклятая война, то в какой удивительной стране нам пришлось служить. Афганистан -- это страна как из сказки тысяча и одна ночь, она была абсолютно не тронута цивилизацией и находясь там, воистину ощущаешь себя на

Востоке. Там не было ни промышленности, ни фабрик, ни заводов, в общем, никакого прогресса. В Афгане ничего не производили (если не считать наркотик) и жили одной торговлей, караваны ходили в Пакистан и Иран и везли оттуда товар, точно как в Восточных сказках. В дуканах можно было купить все, от импортной электроники, аппаратуры, шмоток и всяких других мелочей до запчастей на любую технику вплоть до вертолета, кстати, купленных накануне у наших же военных. И часто бывало, что в полку на складе ходовых запчастей нет, зато в дукане -- пожалуйста, и приходилось покупать, куда деваться, но естественно уже дороже, чем продали. Были и рынки оружия, знаменитый Кандагарский рынок в Герате как раз славился торговлей оружием. В Афгане Шариат был законом, а Коран конституцией, и жили афганцы по своим особенным понятиям, которых нам цивилизованным не понять. Этот народ как будто бы затерялся во времени и пространстве.

Про Герат хочу сказать, что он славился тополями, красиво смотрелось, когда, въезжая в окрестности города, видишь, как с обеих сторон бетонки растут высокие, стройные тополя.

Как бы я хотел оказаться там еще раз, но уже не как завоеватель, а как гость. Сесть с бачой в дувале вечерком, курнуть чарса через чилим, поговорить о житье-бытье, простить друг другу все, что было, и послушать, как мулла читает вечернюю молитву из Зиндана, молитва эта разносится на всю окрестность и завораживает, эти ощущения не передать словами. И пока жив, я буду надеяться, что это когда-нибудь сбудется, ведь сколько пацанов полегло на этой многострадальной Афганской земле. А пока, к сожалению, это невозможно, и в памяти часто проносятся неприятные эпизоды этой бессмысленной войны и даром пролитой крови, но и забывать об этом тоже нельзя, хотя вряд ли такое забудешь.

Духи на выдумки были горазды, чего только они не выдумывали. Керосин-провод регулярно подрывался: подорвут его и подожгут, да еще подход к нему заминируют, и мудохайся потом после этих подлян. Нас подымают по тревоге и вперед, и как бы быстро мы там не оказывались, от духов естественно уже и след простыл, а керосин полыхает вовсю. Но керосин -полбеды, его в Союзе было навалом, а вот если заставу обстреляют, то тут время шло на секунды, и от того, насколько быстро мы появимся, многое зависело. Бывало, расслабишься немного, пока в полку между рейдами торчишь, и зависнешь где-нибудь в другом подразделении -- мы частенько собирались у разведчиков в беседке. Ну, естественно косяк курнешь, а иногда и бражки хапнешь сверху. И сидишь прикалываешься, как пацаны поют под

гитару, и как всегда забываешь, что рота на 15-минутной готовности. И вдруг крик:

-- Девятая рота тревога!

И весь кайф -- как ветром сдуло, подскакиваешь и ломишься в оружейку, на бегу материшь духов за эти обломы. Хватаешь автомат, подсумок (все остальное в БТРе) и ломишься к парку, а БТРы уже наготове. Прыгаешь на броню и вперед, а уже по ходу узнаешь, что и где произошло. Едешь и думаешь, вот козлы эти духи -- замочил бы всех на хрен, обламывают суки на самом интересном месте. А кайфоломить духи мастаки, и изобретательности им не занимать. Кто был в Афгане, тот знает, как действует на психику затишье перед обстрелом. Колонна идет по кишлаку, а вокруг ни души, все как будто вымерло. Все знают, что где-то недалеко засада, а время тянется медленно и нудно, нервы на пределе. Вдруг взрыв и свист пуль, и начинается пальба, сначала беспорядочная, а по ходу боя уже прицельная. И никогда не знаешь, откуда ждать свинцовый град, с гор, с дувала или с зеленки. А духи с определенным расчетом создавали обстановку напряжения перед обстрелом, чтобы ввести нас в замешательство хотя бы на короткое время. А пока шла беспорядочная стрельба, они наносили ряд прицельных выстрелов, и смывались. Очень трудно вычислить и уничтожить банду, они все-таки воевали у себя дома и прекрасно ориентировались в любой местности, будь то в горах, в кишлаке или в зеленке. Да еще кяризы по всему Афгану. Когда-то под землей, на территории Афгана протекали подземные реки, но со временем они высохли, а русла остались. Эти русла и служили убежищем и духам, и мирным при бомбежках (правда, мирными афганцев можно назвать только условно, потому что против нас воевали все, кто не был в военной форме). А кяризы -- это искусственно вырытые колодцы, которые служили входом в эти лабиринты. И черт знает, куда вели эти норы, но кяризы были понарыты по всему Афгану, и ни фига ничем этих духов оттуда не вышибешь. А из наших туда никто не лазил, это чистое самоубийство. В Афгане наверху-то опасно ходить, не то, что в кяризе. Гранатами их забрасывали, но толку от этого никакого не было, а делали мы это так, для прикола.

С этими кяризами был такой случай: в одном месте недалеко от бетонки была зеленка, и из этой зеленки постоянно обстреливались наши колонны, которые двигались по бетонке. Это происходило регулярно на протяжении долгого времени, точно никто уже не помнил. И что только не делали с этой зеленкой, ее практически перепахали снарядами и ракетами. Казалось, что после массового обстрела там не должно было остаться ничего живого. Но через какое-то время оттуда опять

долбят, и это еще бы долго продолжалось, если бы не случай. Во время очередного обстрела наши вызвали авиацию, чтоб поработать над зеленкой. И летчики с вертушки засекли небольшую группу людей, которые прятались за сопкой. Но что интересно, находились они не со стороны зеленки, а по другую сторону бетонки, куда никто не обращал внимания. Летчики влупили по ним ракетами, а когда пехота прочесывала то место, мы обнаружили кяриз, как раз там, где сидели духи, а когда прочесали зеленку, обнаружили еще пару. Оказывается, духи, обстреляв колонну с зеленки, по кяризам перелазили на другую сторону бетонки, прятались за сопку и оттуда смотрели и прикалывались, как мы перепахиваем зеленку, как видно с юмором у них тоже было все в порядке.

В области минирования, они тоже изобретательность проявляли лихую. Положат фугасную мину на воздушной подушке, а по бокам пару снарядов, и вот такая дура как ухнет -- аж дно БТРа к крыше прилипает. Мы на броне в основном находились, редко когда по-боевому, а водилам доставалось здорово, выжить от такого взрыва практически не возможно. Танк, правда, выдерживал, только катки с траками разлетались. Но и танкистам тоже доставалось от кумулятивных гранат, эта падла как автоген прожигает броню и взрывается внутри. Танкисты рассказывали, что кумулятивка за пять секунд прожигает броню, так что если за это время не успеешь выскочить из танка, то по стенке размажет.

Был случай: в рейде под Гератом колонна во время марша остановилась, и спереди крикнули, что водила с комбатовского БТРа увидел мину на дороге, а наш БТР третьим шел. Мы спрыгнули, посмотрели, и точно -- мина торчит из колеи, странно было то, что ее как будто бы специально наполовину оставили торчать. Мы подумали, что духи наверно увидели колонну, не успели закопать и смылись. БТРы отъехали от мины, и комбат вызвал саперов. Подъехали саперы, к мине пошли капитан и три бойца, а мы со стороны смотрим. Они сначала стояли возле мины, потом один боец остался, а капитан и два других бойца спрятались за дувальчик, который был метрах в пятидесяти от дороги. Саперы всегда так делали, чтоб в случае чего всем не взорваться, мины-то с разными причудами бывают. И вдруг взрыв, и не там где мина, а за дувальчиком, где стояли капитан с двумя солдатами, и все трое насмерть. А сапер возле мины как сидел, так и остался, ему ничего. Сначала никто ничего понять не мог, думали, что со стороны духи стреляют, а потом дошло, что за подляну саперам подложили духи. Мина была на воздушной подушке. Такие мины часто в Афгане попадались. Эта мина

срабатывает при определенном давлении, которое создается при неоднократном надавливании на резиновый взрыватель и она может сработать где угодно, под любой техникой и под любым колесом.

Саперы решили вытащить ее, и когда сапер остался один, он, аккуратно раскопав мину, стал ее извлекать, а в это время разомкнулся контакт и сработала мина, которая была соединена полевыми проводами с миной, заложенной за дувалом. Местность с дувалом была подобранна духами намеренно. А сколько всяких подлян они наделывали по всему Афгану, не сосчитать.

Приходилось сталкиваться с отрядами наемников, хоть и не часто это бывало, но запомнилось надолго. У меня до сих пор стоит перед глазами эта жуткая картина с перевернутыми, горящими машинами и обгорелыми трупами.

Нас тогда подняли по тревоге, как обычно, но ротный, почему-то всех чижей отправил обратно, а нам по пути сказал, что наемники посреди бела дня обстреляли колонну наливников и сбили вертушку.

Через несколько километров на горизонте показался черный дым, а еще через какое-то время начали доноситься выстрелы. Мы разделились на две группы, два БТРа съехали с бетонки и поехали в обход, а два БТРа, в одном из которых был я, помчались по бетонке в сторону выстрелов.

Когда подъезжали к колонне, по нам влупили с гранатометов, но расстояние было большое, и гранаты легли метров 100-150 в стороне. Мы попрыгали с БТРов, чтоб не быть мишенью для прицела, и дальше стали пробираться перебежками. У нас было два ручных гранатомета, два АГСа (автоматический гранатомет), один НСПУ (крупнокалиберный пулемет, на базе ДШК), остальные с АКСами.

Приближаясь к колонне, мы увидели, что все машины горят, это были в основном МАЗы: половина из них валялись в кювете, остальные горели на бетонке. Колонна была не военная, и шофера были местные, из афганцев, а может советские таджики или туркмены, точно я не знаю, живых там не было. Вертушка была наша, она крутилась поблизости, и поэтому первая подлетела к колонне, но была сбита, а потом уже подъехали мы.

Не успели мы подойти, как по нам начали долбить с пулеметов и гранатометов, мы залегли за бетонкой. Было видно, что воюют не дилетанты, а натренированные боевики, они не давали нам даже голов высунуть из-за бетонки. И нам пришлось бы долго лежать там, если б не вторая группа, которая пошла в обход. Они долбанули по духам сзади, а те не ожидали этого удара и, потеряв нескольких человек, начали отходить к горам. А

мы с двух сторон стали долбить по ним. Когда мы их увидали, то удивились, боевиков всего-то было человек пятнадцать, не больше, и они так конкретно разбили колонну из двадцати машин (шофера там тоже были вооружены), и сбили вертушку, да еще нам, сорока вооруженным военным, такой отпор дали. И можно сказать, почти все скрылись в горах, за исключением троих человек, которых мы замочили -- они не ожидали, что мы так быстро появимся, да еще с двух сторон.

Один труп они забрали с собой, потому что он был белым, скорее всего, европеец, а двоих черных бросили, по ним не поймешь, кто они, наемники или нет. У нас было двое легко раненных, и то раны не пулевые, а осколочные.

Отходили они тоже профессионально, тремя небольшими группами, одна отходит, другие две прикрывают, и так, чередуясь, они ушли в горы. Пацаны, которые были в другой группе, сказали, что среди них были репортеры, которые снимали на пленку весь бой. Может даже труп, который духи утащили с собой, был трупом репортера.

Потом началась масштабная операция перехвата, прилетели вертушки, подтянули артиллерию и начали долбить по горам, но толку уже не было, наемники исчезли так же лихо, как и появились. А колонну разбили капитально, она шла без охранения, потому что дело было днем, и к тому же в двадцати километрах находились два полка. И вообще диверсии такого масштаба на бетонке было делом редким, духи не решались днем нападать на колонны, идущие по ней. Со стороны обстреливали -- это было часто, но чтоб вот так в открытую, это поистине дерзкий выпад, ведь по бетонке постоянно мотались военные, сторожевые заставы были везде по натыканы, и вертушки туда-сюда летали. Такое могли учудить только наемники, или боевики, подготовленные на спецбазах в Иране и Пакистане, на границе вдоль Афгана этих баз было навалом. Больше с наемниками встречаться не приходилось, они в открытый бой старались не ввязываться, а действовали неожиданно и наверняка, чтоб не оставлять следов. А вот с духами -- это дело другое, это наши родные. Приходилось даже разок побеседовать и взаимно помочь друг другу.

Как обычно рота выехала по тревоге в сторону старого Герата. Ротный сказал, что в кишлаке предположительно находится банда, разведчики доложили о каком-то передвижении в районе кишлака, но было темно, и поэтому на сто процентов они утверждать не могут. Кишлак был небольшой, мы его блокировали десятью БТРами, и решили ждать до утра. Утром должны были подлететь вертушки, обработать кишлак, а после

мы уже его прочешем.

Наш БТР стоял возле дороги идущей в кишлак, а с другой стороны был небольшой овраг. Мы наставили в овраг растяжки и стали следить за дорогой. Ночь была лунная и дорогу более или менее было видно. Находились мы все внутри БТРа, пулеметы наставили в сторону дороги, а сами по очереди следили за ней в триплексы. Экипаж наш состоял из двух дембелей и дедов, тревожиться особенно было нечего, то ли есть духи в кишлаке, то ли их там нет, это не известно. Но волнение все же было, дембель как ни как в опасности. В то время действовал приказ -- "дембелей на боевые действия не привлекать", но выполнять его не спешили, да и мы были не против, это лучше, чем в полку торчать, да и в рейдах время быстрей идет.

Просидели мы так часа два, накурились чарса, и стали распределять, кому и когда быть наблюдающим. Вдруг Шавкат крикнул:

-- Духи на дороге!

Он сидел возле пулемета и увидел их в прицел. Мы обалдели, ни фига себе, они что погнали, идут в открытую по дороге! Потом Шавкат сказал, что они машут белой тряпкой. Мы подумали, и решили узнать, что они хотят. На встречу с ними пошли я и Шавкат, двое шли сзади метрах в десяти, чтоб нас прикрывать, если что, остальные остались в БТРе. А еще накуренные как удавы, я на изменах весь, в кармане две гранаты и автомат на взводе. Шавкату проще, накуренным быть -- его нормальное состояние, он таджик и курил эту дрянь с рождения.

Духов было двое, и были они без оружия, Шавкат стал с ними о чем-то болтать, таджикский и афганский языки похожи. Я стоял рядом и смотрел по сторонам, от духов можно ожидать всего, поэтому расслабляться не следовало. Шавкат сказал, что духи просят выпустить их с кишлака, говорят, что завтра будет бой, а здесь женщины и дети, и они не хотят устраивать здесь бойню. Я сказал, что надо поговорить с мужиками, нам тоже не нужна эта бойня, сейчас пусть они идут с нами к БТРу, а там, если мы договоримся, один останется с нами, а другой пойдет передаст решение своим. Шавкат перевел это духам, они что-то ему ответили, но и без перевода было ясно, что они согласны, потому что другого выхода у них не было. Мужики, не долго думая, согласились выпустить духов, никому не нужна была эта перепалка, ни им, ни нам. Решили, что они выйдут по оврагу, а растяжки мы поснимаем. Один дух ушел в кишлак, а другой остался с нами, пока все не выйдут.

Часа через два-три вернулся второй дух, и сказал что в кишлаке никого нет, все женщины, старики и дети вышли с ними.

Взяли мы с этих духов несколько лепешек чарса и отпустили на все четыре стороны. Между собой договорились никому из наших об этом не говорить, а то в то время нас не так бы поняли. А наутро вертушки пропахали кишлак, и пехота пошла на проческу. Одни мы шли спокойно, потому что знали, что там никого нет. Впервые за два года я шел в кишлак и не боялся, что кто-то выстрелит в меня из-за какого-нибудь дувала.

По возвращению в полк нам надолго расслабиться не дали, и на следующий день полк отправился в рейд на Иранскую границу -- погонять караваны. В первую же ночь колонну обстреляли с гор духи, но урона никакого не нанесли и все остались целы. Немного постреляв по горам, мы двинулись дальше. Примерно в километре от места, где нас обстреляли, находился кишлак, и мы в него въехали. В кишлаке находились старики женщины и дети, мужчин не было. Полкач приказал пехоте вытащить на улицу всех стариков, чтобы у них узнать, где мужчины. Мы так и сделали, повытаскивали стариков, кого встретили, и построили их, потом полкач подозвал Шавката и попросил, чтобы тот побыл переводчиком. Командир спросил старейшин:

-- Где мужчины, где твой сын, твой, твой?

Шавкат перевел, и старики ответили что-то, показывая в сторону гор.

-- Они говорят что их сыновья там в горах, стреляют в вас, -- перевел Шавкат.

Командир крикнул:

-- Переведи, если хоть один патрон найдем в кишлаке, всех расстреляем!

И мы рассыпались по кишлаку, вламываясь во все дома без разбора и переворачивая все вверх дном. В помещении я увидел старика возле входа в другую комнату, завешанного какой-то мешковиной, этот старик, расставив руки, как бы загораживал вход. Я подумал, чего это он стал на входе? Может там что-то не так -- и направился к нему, подошел и наставил ему в лоб дуло автомата, а он как стоял, так и стоит. И тут сзади подошел какой-то офицер с другой роты:

-- Да там женское отделение, у них по закону мужикам туда нельзя заходить, -- сказал он, и долбанул этого старика в скулу прикладом. Старик схватился за лицо и упал на колени, а мы, перешагнув через него, вошли в другое отделение. Там действительно были бабы, они закрыли лица и начали визжать, летеха дал очередь с АКСа в потолок, но бабы как дуры продолжали орать. Старик с разбитым лицом схватил лейтенанта за ногу и начал что-то кричать по своему, летеха развернулся и выстрелил старику в голову, бабы начали кричать еще громче.

Летеха спокойно сказал:

-- Пошли отсюда на хрен, а то эти дуры так и будут орать, пока их не перестреляешь, -- и мы вышли оттуда.

Уже собравшись выходить на улицу, я увидел какие-то мешки возле стены, они были толстые и высотой почти до потолка. Я подошел к мешкам, пристегнул штык-нож к стволу, полоснул по мешку и оказался по колено в муке. С улицы донеслась команда "по машинам", и я побежал, отряхиваясь и думая, на черта я трогал этот мешок.

Собравшись в колонну мы двинули дальше, оставив за собой разграбленный кишлак, но по крайней мере мы не перестреляли там всех подряд, как иногда бывало. Им повезло, что при обстреле с гор никто из наших не был убит, иначе весь кишлак был бы уничтожен. Так дерзко с Советскими себя вести нельзя. На обратном пути БТР наш подорвался на фугасной мине. Мы сидели как обычно на броне, жара была кошмар, да еще ветер-афганец, как он там надоел, слов нет. Я сидел возле открытого люка и смотрел под колеса, не знаю, что меня отвлекло в тот момент, но я поднял голову и повернулся. В эту секунду раздался взрыв под колесом, на которое я только что смотрел. Очнулся, смотрю, меня тащат на носилках в "таблетку" (небольшой медицинский тягач), я соскочил с носилок и начал доказывать медику капитану, что со мной все нормально, я не ранен. Капитан осмотрел меня и спросил:

-- В голове не шумит?

Я сказал:

-- Немного в ушах звенит, а так все нормально.

Смотрю, рядом стоят взводный, Шавкат и наш наводчик парнишка казах, я спросил:

-- Что там случилось, как остальной экипаж?

Взводный сказал:

-- Все целы, БТРу только колесо оторвало, а ты головой об люк стукнулся и потерял сознание.

Я начал просить медиков, чтоб отпустили, ничего ведь со мной не случилось, голова вроде целая, и я могу ехать на своем БТРе, хотя на самом деле затылок у меня болел страшно, но мне не хотелось в "таблетке" ехать. Тогда медик капитан попросил, чтобы я по приезду в полк пришел в санчасть обязательно. Я пообещал зайти, и он отпустил меня на свой БТР. БТР наш стоял метрах в ста от "таблетки", он мог ехать сам, а колесо ерунда, еще семь оставалось, главное все живы, а железо хрен с ним. В ушах у меня после этого взрыва шумело долго, и я по приезду в полк пошел в санчасть, как и обещал капитану, и пролежал там почти месяц.

Те Афганцы, кто застал так называемое перемирие в 1987 году, знают, что это за дуристика. По всему миру кричали, что в Афгане достигнуто перемирие, и теперь потери среди Советских войск значительно сократятся и все такое. Воевать, мол, будут зеленые (сарбосовская, афганская армия), а наши будут стоять на блоках и в боевые действия вступать не будут. Какая все-таки это была туфта, это политикам казалось, что стоит только объявить перемирие, и оно произойдет, а на самом деле произошло все с точностью до наоборот. За период перемирия резко участились диверсии, и душманы вдвойне активизировали свои действия. А нашим был отдан приказ: в конфликты не вступать и первыми огонь не открывать. Даже непросвещенному в войне профану понятно, что такой приказ означает, и кому он выгоден больше.

Помню один случай по этому поводу.

Наш батальон блокировал кишлак с бандой, а зеленые должны были провести операцию по ее уничтожению. Мы стояли в километре от кишлака и наблюдали за действиями сарбосов. Сначала кишлак проработали авиацией, потом зеленые поперли, впереди сарбосовские офицеры, за ними рядовые. Вдруг духи влупили по ним из ДШК, те залегли и лежали минут десять. Потом встали офицеры и начали поднимать в атаку остальных, кое-как подняли часть из них, и начали дальше продвигаться к кишлаку. Опять очередь из ДШКа по зеленым, на этот раз они развернулись и начали сваливать за наш блок, офицеры кричали на них что-то, махали руками, но все бесполезно, те их не слушали.

Посмотрели мы на этих вояк, поприкалывались, но сами ничего не предпринимали. Потом духи начали палить по нашим блокам, тут мы начали подумывать, что пора вступить и нам. И наконец комбат отдает приказ: пехота вперед на прическу. Артиллерия влупила пару залпов, и мы начали с двух сторон подбираться к кишлаку. Сначала духи пальнули несколько раз с гранатомета сопровождая очередями с ДШКа, потом все стихло. Когда мы вошли в кишлак, духи уже успели смыться в ущелье, которое находилось рядом с кишлаком. Пара вертушек начала их преследовать дальше, а пешком по ущелью за ними гоняться бесполезное дело.

В Афгане мы не только воевали, но и праздники отмечали тоже, если такая возможность предоставлялась.

Расскажу, как пришлось отметить Новый год -- с 1986 на 1987.

Чтобы нас не тревожили, Шавкат уговорил своего земляка водилу поставить наш БТР в ремзону на ремонт на время Нового года. Тот сморочил что-то с движками и загнал БТР на ремонт.

Отметить решили в нашей бане, баня у нас была конкретная, и в самый раз для этого подходила. Офицеры заказали купаться до обеда, а вечер и ночь были в нашем распоряжении. Баня была сделана из гильз от снарядов, в ней был предбанник с камином, душевые, парилка с небольшим бассейном, в общем, все как положено. Банщиком был парнишка с нашей роты. Отметить новый год решили втроем, я Шавкат и банщик -- Володя. Закупились в магазине всякой хавкой: печенье, конфеты, джем, si-si (лимонад в банках), сок DONA в бутылках, на складе обменяли чарс и брагу на горный сухпай, все чин по чину -- бражка для этого дела была поставлена заранее. Рядом с бетонкой росли деревья похожие на сосну с длинными иголками, вот ветку этого дерева поставили вместо елки, обвешали ее запалами от гранат и патронами и получилась вполне приличная елка. Магнитофон у Володи был в бане, в общем, все было путем, осталось лишь встретить праздник.

В обед мы с Шавкатом зашли в баню, проверить как там дела. И Володя нам сказал сногсшибательную весть, от которой мы оба чуть на жопу не сели. Говорит, что утром встретил свою землячку, она не только с одного города, но и с одного района. Она медичка и приехала сюда из Шинданта к знакомым девчатам из санчасти, чтобы встретить Новый год и обещала прийти вечером часов в 10 в баню и посидеть с нами часок-другой. Что такое женщина в Афгане, нетрудно догадаться, и просто посидеть в компании с женщиной это уже было чудо. Я Шавкату говорю, что надо что-нибудь сварганить насчет выпивки, не брагой же ее поить. Сначала пробежались по полку, у разведчиков обменяли два литра браги на пузырь самогона. И вдруг Шавхат заявляет, что есть возможность смотаться в Герат, он хорошо знает одного дуканщика, знает, где тот живет, у него в дукане есть водка или на крайняк кишмишовка (афганский самогон). Говорит, что пойдет уломает Алана (водилу), пусть он поставит на место, то что снял с движка и БТР будет на ходу, одна проблема БТР стоит в рем зоне. А с нарядом по рем зоне договорится должен буду я, так как я служил там, и знаю пацанов. Рем зона находилась в конце парка и огорожена была забором из колючей проволоки, который сдвинуть особого труда не предоставляло. Я по началу не хотел этого делать, думал, если залетим, нас сожрут. Шавхат начал меня уговаривать, а когда мы с ним и Аланом бражки выпили, я подумал: да хрен с ним, не расстреляют же нас за это, а с бабой тут не каждый праздник встречаешь.

Время у нас было еще достаточно, чтобы все обделать, и мы начали действовать. Дежурным по ремзоне на наше счастье заступал Залим, он был моим другом, мы с ним одного призыва,

и дневальных я тоже знал. Залим парнишка с понятием и долго не ломался, он всегда меня понимал, и мы друг друга не раз выручали. Я, конечно, понимал, что в случае залета ему мало не покажется, на нем была ответственность за технику в ремзоне, и он это понимал не хуже меня, но все же согласился, а то, что мы Залима в обиде не оставим, об этом и разговора не было. Алан БТР забацал, но с нами ехать отказался, говорит, что он здесь ни причем, и езжайте сами. А мы его и уговаривать не стали, зачем таким шалманом ехать, нас двоих вполне достаточно.

Вечерком мы с Шавкатом пришли в ремзону, Залим уже был там, дневальные отмотали проволоку от перегородки и все приготовили. За офицеров можно было не бояться, они были в предпраздничных движениях. Взяли мы с собой по автомату с подствольниками, ручной гранотомет, пару цинков с патронами и гранаты, ручные и для подствольника с гранатометом. И еще взяли топливный насос от КАМАЗа -- их хорошо в Герате брали, за 5000 афганей насос уходил, мы же его за четыре собирались отдать без базара, а это 200 чеками, чеки шли один к 20 -- 25. Пацаны рассказывали, что были времена, когда меняли один к 35 или даже к 40, но когда вошел в Афган 12 полк, он был весь капитально укомплектован, и наши начали духам толкать все в подряд, сбив при этом и цены и курс.

Башенные пулеметы не стали ставить, мы собирались в наш район Герата, а там стояли советники, которые хорошо охранялись. Риск, конечно, был, но мы надеялись, что пронесет и в этот раз, главное не нарваться на патруль. Мы запрыгнули в БТР и выехали за ремзону, Алан пришел проводить, и если что, то сказать, что, мол, перебрали движок и решили проехаться чтобы проверить, глупая отмазка, но все же лучше, чем ни какой. Мы немного постояли, вроде тихо, ну и поехали в Герат за водкой. КП объехали и выехали на бетонку, а дальше дело техники. На мосту постояли с пацанами побазарили, чарса курнули, они нам тоже водки заказали, и мы поперли дальше. Уже начало темнеть, когда мы в Герат заехали, дуканы начали закрываться, и мы поехали к дуканщику домой. Дуканщик жил недалеко от бетонки, мы остановились, Шавкат взял насос и пошел пешком, а я остался с БТРом. Просидел я минут тридцать, и уже стемнело, я начал беспокоиться. Вдруг впереди фары, а когда подъехали, то оказалось что это патруль со 101 полка, БРДМ и два БТРа. Ко мне подошел какой-то майор и начал спрашивать: кто такие, зачем здесь стоите? Я поначалу и не знал, что ответить, думал, ну все, залетели, теперь начнутся разборки. Потом я вдруг заметил, что сзади майора стоит Шавкат, в руках четыре литрухи, он подошел и говорит майору:

-- Мы из 12 полка, приехали за водкой.

Шавкат вообще был отчаянным пацаном. Майор обалдел, и говорит командным голосом:

-- Товарищ сержант, отдайте мне водку и следуйте за нами.

Шавкат, спокойно так:

-- Водку я вам, товарищ майор, не отдам, потому что две бутылки это заказ, а две нам на праздник, и с вами не пойду, а поеду на своем БТРе.

Майор начал орать: "Вы арестованы, следуйте за нами. Как ваши фамилии, какое подразделение?" Я говорю, что фамилии мы не скажем, тогда майор крикнул:

-- Ну и не надо, я запомнил номер БТРа, а сейчас едем к вам в полк, и я сдам вас дежурному по части, пусть он с вами разбирается.

Дальше мы не стали спорить и запрыгнули в свой БТР, решили, пусть будет, что будет, за руль сел Шавкат. БРДМка поехала впереди, а два БТРА сзади нас, и таким эскортом мы двинулись в сторону полка. Я говорю Шавкату:

-- Не надо было так резко с патрулем разговаривать, может, утрясли бы как-нибудь.

-- Я этого майора знаю, нифига с ним ничего не утрясешь, он уставник, -- ответил Шавкат, и добавил, -- не бойся, я придумал, что надо делать, когда заедем за КП, я резко сверну с бетонки, и мы смоемся, патруль за нами не погонится.

Проезжая мимо точки на мосту мы притормозили, и я передал одну бутылку пацанам, они стояли обалдевшие оттого, что нас патруль домой сопровождает. Не доезжая КП, Шавкат вдруг резко вывернул с бетонки и мы, выключив свет, вслепую помчались по бездорожью куда попало, лишь бы подальше. Я вылез на броню и посмотрел на бетонку, патруль стоял там и не думал за нами гнаться. Потом, постояв минут пять, они развернулись и поехали обратно в сторону Герата. Ну все, подумали мы, временно пронесло, а дальше видно будет. Объехав КП и выехав на бетонку, мы вернулись в полк. Сразу заскочили в ремзону через дырку, с которой выезжали, нас уже давно ждали. Я Залиму сказал, что мы засветились патрулю и возможно завтра будет небольшой кипеш. Но это ерунда, главное, мы на месте, а все остальное обойдется. Наряд по быстрому поправил ограду, как она была до этого, и замел все следы. Мы поставили БТР на место, отдали мужикам бутылку литровую. Потом заскочили в нашу палатку, там пацаны готовились к празднику, и сказали Алану, чтоб сделал в БТРе все как было, отдали ему пузырь и пошли в баню, нам литровой вполне хватало. Шавкат зацепил у дуканщика косметику для нашей гостьи, надо же,

предусмотрительный таджик, подумал я. Время было одиннадцатый час, мы немного опаздывали.

Володя не наврал, и вправду с ним была женщина лет тридцать на вид, не сказать что красавица, но и не уродина, да это не важно, главное, разнообразие какое-то было, а не просто пьянка. Стол был уже накрыт, играла музыка, все, короче, было готово для празднования. Володя нас познакомил, все как положено, и мы сели за стол. Марина вроде ее звали, уже не помню точно, но это не важно, была она в Афгане второй год, скромностью тоже не болела, и поэтому мы чувствовали себя не так скованно, хотя матов за столом слышно не было, а это в армии большая редкость. После того как все изрядно выпили, все вошло в свое русло, и разговор стал более раскованный, потом начались танцы, и праздник набрал обороты. Помню, ходили кого-то поздравлять, кто-то приходил к нам, в общем, весело встретили и провели Новый год. Проснулись мы в обед первого января в бане, Марины не было, она ночью ушла продолжать праздник с девчатами и офицерами в модуль. Вот так мы встретили 1987 год, я считаю, что встретили мы его отлично.

Частенько в компаниях, когда разговор заходит о службе, все рассказывают, как они там делали какой то дембельский аккорд, а я слушаю, и вспоминаю про свой аккорд, который продолжался с мая по август. И помню свой последний рейд, после которого мы, дембеля, по быстрому наспех собравшись, на следующий день полетели в Союз. И вспоминаю февральских дембелей, которые ночью пришли с рейда, а утром им надо было лететь домой -- они пробыли в рейде около двух месяцев, точно уже не помню, но около того или может больше. Похожи они были на дикарей, обросшие, небритые, все в пыли и грязи, но радостные и счастливые. Я в то время мог неплохо стричь, и до утра подстриг человек пятнадцать, а утром они, побритые, отмытые, в отглаженных парадках стояли возле штаба и получали документы на отправку в Союз. Я еще подумал, надо же, как это они успели так быстро привести себя в порядок, а через полгода тоже самое произошло и с нами, только с рейда мы вернулись вечером, и времени у нас было немного больше, а в остальном все так же.

В последнем моем рейде мы пробыли около месяца, было это в июле, и жара стояла страшная, ветер-афганец свирепствовал во всю свою силу, и пыль от колонны стояла стеной. От чарса и жары давил страшный сушняк, а вода в рейде на вес золота, и мы во рту катали по паре металлических шариков, чтобы выжать хоть немного слюны, иногда это помогало. На мне был летний танковый комбез, в экспериментalке было слишком жарко (экспериментalка это форма, которую сейчас называют

"афганкой", в то время в Афгане эту форму экспериментировали, и поэтому мы ее так и называли экспериментalка, ввели ее, если не ошибаюсь, в 1985 году). В БТРе у нас была пара маскхалатов, один мой и один таджика, раньше не было камуфляжей, и для маскировки в зеленке применялись маскхалаты, это широкий комбинезон с капюшоном в мелкую сеточку, закамуфлированный под зелень. В пустыне применялась обычная форма ХБ, мы ее называли песчанка -- новую форму замачиваешь в хлористом растворе, и получается желтый цвет, похожий на песок.

Был обычный рейд, два полка -- 101-й и наш -- решили духов погонять в районе старого Герата, район был знакомый, приходилось когда-то здесь бывать. Не доезжая старого Герата, мы разъехались со 101-м полком, они поехали в обход Герата, а наш полк двинулся в его окрестности, намечалась какая-то крутая операция, даже вызвали ДШБ (десантно-штурмовая бригада).

В одном месте наша колонна проходила между двумя кишлаками, один был в километре от нас, другой метрах в трехстах, обычные с виду кишлаки, каких навалом по Афгану. Мы ехали распаренные на солнцепеке, автоматы лежали в стороне и таджик мне сказал:

-- Если сейчас обстрел начнется, смотри, как Теннисный Шарик в люк залетать будет.

Теннисным Шариком мы называли начальника штаба батальона, он был небольшого роста, толстенький и круглый. Комбатовский БТР ехал за БТРом полкача, потом БТР ротного и после наш, у комбата и Шарика автоматы были внутри, а сами они сидели на броне. Мы с Шавкатом взяли в руки автоматы и сидим смотрим вперед на БТР комбата, а сами обкуренные как удавы. Вдруг возле БТРа комбата взорвалась граната, и пулеметная очередь по БТРам. Шарик залетел в люк как пуля, мы с таджиком чуть со смеху не упали, начался обстрел и переполох, все давай лупить по кишлаку. Танкисты несколько раз проехались туда сюда вдоль кишлака и постреляли в него из своих пушек, мы тоже с пулеметов и гранатометов пошуровали. Пехота стала готовиться к прическе, мы все затарились боеприпасами и стали ждать команды, потери после обстрела составили несколько раненых и один убитый, подъехали две таблетки и забрали раненых. Но прически мы не дождались, полкач дал команду отменить прическу и вызвал вертушки для обработки кишлака, а колонна двинулась дальше. Рота наша стала на блок, километрах в пяти от того места, где нас обстреляли. Стояли мы на возвышенности, и нам хорошо было видно кишлак, с которого обстреляли колонну. Было видно, что в кишлаке этом нет никого, естественно, что все уже затарились потому что знали, что сейчас

их начнут бомбить. А в кишлаке, который находился с другой стороны колоны, видно было шевеление, там не думали прятаться и продолжали жить своей жизнью, так как с их стороны залета не было и они не боялись. Вдруг появились четыре вертушки и начали бомбить ракетами кишлак, а мы смотрим и не врубимся, что происходит, они же бомбят не тот кишлак, а другой, и все спокойно наблюдают и молчат. Первым включился, Шавкат и крикнул:

-- Они же не туда бомбят, надо полкачу сказать по рации!

Мы запрыгнули в БТР и передали полкачу по рации, в чем дело, слышим, полкач говорит танкистам:

-- Покажите вертушкам, куда бомбить надо.

Танкисты дали пару залпов в другой кишлак, летуны врубились, в чем дело, и переключились на другой, а первый кишлак ни за что разнесли, по запарке короче. Ну и хрен на него, мало ли их по Афгану было раздолбано, и за дело и без дела или просто ради спортивного интереса.

На блоке мы проторчали две недели, первую неделю бомбили МИГами ущелье, за это время духи сбили два МИГа. Потом бросили десантуру, но десантники начали нести большие потери, санитарные вертушки только успевали туда сюда мотаться, и десантников с ущелья убрали. Потом опять начали бомбить ущелье МИГами и СУ-17, на МИГах летали сарбосовские летчики, а на СУ-17 наши. Десантуру снова забросили в горы с другой стороны ущелья, а нас подтянули к подножию гор, но БТРы по горам ездить не могут, мы немного продвинулись пешком, но впереди были отвесные скалы и пришлось остановиться; было слышно, что сверху идет бой, а мы снизу ничем не могли помочь. Потом поступил приказ пехоте готовиться к десантированию с вертушек, и мы стали спускаться, внизу нас ждали 2 вертушки. По быстрому запрыгнув на борт, мы поднялись в воздух, на вертушках мне, конечно, приходилось летать, но десантироваться -- нет.

Когда подлетали к ущелью, летчик крикнул:

-- Я садиться не буду, тут камни, зависну метров пять над землей, прыгали когда-нибудь с вертушек?

-- Нет, не приходилось, мы же пехота, -- ответил взводный.

-- А с крыши в детстве прыгали?

-- Да, да, -- ответили мы.

-- Ну, тогда ни пуха, -- крикнул летчик.

И мы начали высыпаться с вертушки, я спрыгнул удачно, и вроде ничего не повредил, все остальные тоже попадали без происшествий. А вот другому борту повезло меньше, духи задели двоих, одного ранили в живот, а другому прострелили ноги. В

общем, на себе пришлось испытать незавидную долю десантников. В пехоте тоже конечно не мед, хотя чего сравнивать, каждому своя доля выпала на этой войне, кому-то может меньше, кому-то больше, кто-то вообще по каптеркам, штабам и кухням протарахтел всю службу, но как говорится, каждому свое.

Как только мы попадали с вертушек, бой завязался тут же -- откуда духи лупят не видно, но такое ощущение, что со всех сторон, и не понятно, куда же стрелять, а стрелять надо, и чем быстрее тем лучше. Хорошо, что вокруг лежали глыбы, а не открытое место, иначе бы нашими трупами усеяли всю площадь. Спасибо летчикам, знают, где зависнуть. Вертушки начали по быстрому улетать, долго висеть над землей для них самоубийство, для духов сбить вертушку большая честь и неплохая за это плата. И опять надо отдать должное летчикам, улетая, они влупили из своих пушек в сторону духов, как бы показывая, куда нам надо ориентироваться. Положение у нас было незавидное, нам надо было выбить духов из ущелья, или самим здесь остаться, ничего другого не оставалось. У духов положение было тоже не из лучших, с одной стороны десантура, с другой мы, но духи были на возвышенности, а мы в низине, и поэтому нам доставалось прилично. Не прошло и часа, а у нас уже шесть человек было ранено, а бой не прекращался ни на минуту. Сказать честно, было страшновато, а контролировать себя все равно надо, иначе ты труп. Но в бою страх какой-то мимолетный, временами про него не думаешь просто-напросто. А вот во время затишья перед боем, или во время прически кишлака, когда можно из любого дувала пулю в лоб получить, да когда сидишь наблюдающим на блоке где-нибудь в горах, и ночь -- хоть глаза выколи, да плюс ко всему еще и обдолбишься, вот это настоящий, леденящий душу страх, словами его не передать.

Снова подлетела вертушка, сбросила нам боеприпасы и забрала раненых, от летчиков мы узнали, что с другой стороны духи сбили санитарный вертолет с ранеными на борту, все погибли. Мы немного продвинулись вперед и соединились с десантурой, а духи ушли в глубину ущелья, но бой еще продолжался. Я не знаю точно, сколько духов мы замочили, я лично видел вблизи двоих, один валялся развороченный весь, видно в него попал ПТУРС с вертолета, другой лежал недалеко с перебитым горлом, еще несколько валялись вдали, но время не было считать духовские трупы, так, мельком глянешь, и дальше погнал. Не далеко от меня взорвалась граната от гранатомета, но вроде пронесло, только ногу немного задело осколком. Осколок сидел неглубоко и кончик его торчал из-под кожи, я пытался его вытащить, но не получалось, наверно потому, что делал это сам

себе.

Вдруг откуда-то появился капитан с десантуры, он посмотрел и спросил:

-- Что такое, пуля что ли?

-- Да нет, не пуля, кусок жестянки, наверно, от корпуса гранаты, -ответил я.

-- Давай сюда ногу, я, бывало, и похуже раны ремонтировал.

Капитан штык-ножом и большим пальцем зацепил и выдернул осколок, было больно, но терпимо. Потом этот капитан говорит:

-- Сейчас продезинфицируем, будет немного больно.

Взял патрон, выломал пулю, высыпал порох мне на рану и поджог порох -то, что немного будет больно, это мягко сказано, больно было много, но не смертельно.

-- Ну вот и все в порядке, теперь можешь бегать снова, -- сказал он. Я поблагодарил его и побежал дальше за своими. Нога пекла от ожога, но болела не сильно и я даже не хромал, да и некогда было думать об этой пустяковой ране, пацанам вообще ноги отрывало, а тут осколок какой-то.

Духи, почувствовав, что силы неравные, начали отходить, но все равно отпор давали хороший. Я помог оттащить двоих раненых и одного убитого к краю обрыва, там должна была появиться вертушка. Погиб пацан-узбек с нашей роты, прослужил он в Афгане полгода, а двое раненых были десантники. У одного десантника были перебиты ноги, другому пуля попала в лицо и раздробила челюсть.

Через минут пять подлетела вертушка и, зацепившись колесом за откос, повисла над обрывом, я удивился от того, какие виртуозы наши летчики. Ближе вертушка подлететь не могла, так как попадала под обстрел духов, а в висячем положении над обрывом ее от прострела защищала скала. Мы загрузили раненых и убитого на борт, взяли оттуда воду и боеприпасы, потом вернулись к своим. Бой понемногу стих и все немного расслабились, иногда только от нечего делать перестреливались, то духи в нас, то мы в их сторону, но это уже было так, нехотя и от нечего делать.

Дело шло к закату, и никто не знал, то ли останемся ночевать в горах, то ли улетим отсюда, но все готовились ночь провести здесь, а ночь в горах рядом с духами, это дело, мягко выражаясь, хреновое. Но опасения наши не сбылись, прилетели вертушки и нас убрали с гор, что очень было кстати, так как до дембеля оставались считанные дни, и не хотелось утром без башки проснуться в каких-то проклятых горах.

У подножья гор мы поужинали с десантниками и помянули

тех, кто не вернулся живым с этих гор. Потом десантура улетела, а мы попрыгали в БТРы и двинулись к иранской границе, разведка передала, что караван направляется в сторону Герата и надо его перехватить до темноты. Что за караван, неизвестно, может мирный, может отвлекающий; отвлекающий -- это когда духи пускают один караван на растерзание, а этим временем несколько проходят стороной. Разведка не стала проверять, чтобы не засвечиваться, они передали координаты нам, а сами погнали дальше, шмонать границу. Караван мы не нашли, он, наверное, затарился в каком-нибудь кишлаке, а кишлаков в том районе штук десять нам попалось. Мы обстреляли пару кишлаков для верности, дабы не зря мотались, и направились в полк.

По пути нас запросили на перевал-базу в Тургунди, там находился наш зампотыл, а мы в тридцати километрах оттуда болтались. Мы обрадовались, во, думаем, сейчас по Союзу потопчемся, как никак граница. Оказалось, нужны были люди для разгрузки вагона с продуктами в наш полк, а зампотыл прослышал, что мы поблизости мотаемся, и вызвал нас помочь. Ну, мы не против такой работы, продукты разгружать -- это мы всегда пожалуйста, а то как накуришься, постоянно голодняк давит.

Мы переночевали в своих БТРах, а утром разбрелись по перевал-базе как тараканы, на нас все смотрят, как на дикарей, но никто не трогает, и ничего не спрашивает. Мы лазим туда-сюда -- обросшие, небритые, с автоматами, в "лифчиках" на голое тело, (лифчик это что-то вроде жилетки для ношения дополнительных боеприпасов, а то непросвещенный подумает, что мы там женские лифчики таскали). А там что-то вроде порядка, все ходят в форме нормальной, солдаты офицерам честь отдают, а мы обдолбленные ходим и разглядываем все, как в музее. Шавкат прикопался к какому-то местному сержанту, мозги ему парил минут десять, потом рассказывает:

-- Сержант этот потерял два патрона в карауле, и теперь весь взвод ищет эти патроны, я ему говорю пошли я тебе сейчас цинк дам, а он не знает, что такое цинк, я отстегнул магазин и предлагаю ему -- на, бери, сколько хочешь, он не берет, боится.

Я Шавкату говорю:

-- Ты не знаешь, что такое Устав, а я был в уставной учебке и сержанта этого прекрасно понимаю.

Потом откуда-то появился ротный и забрал нас, пока мы чего-нибудь не натворили. Нас сводили в столовую и покормили, правда, после того, как все местные поели, а то мы не вписывались в общий пейзаж. Мы привыкли трапезничать в палатках, в БТРе, или вообще на песке или в горах, и в

большинстве случаев питались сухпайком, а тут в столовой культурно все, и жратва нормальная, не то, что наша полковая баланда, в общем, нам эта столовая показалась шикарным рестораном.

Вагон мы разгрузили до обеда, в первую очередь, конечно же, затарили продуктами свои БТРы, не каждый день такая лафа выпадает, потом пообедали и поехали в полк. Но в расположение мы не попали, наш полк проводил операцию возле Герата, мы присоединились к нему, и стали на блок. Мне уже ничего не хотелось, побыстрее бы в полк и домой в Союз, уже двадцать пятое июля, а я еще в Афгане под Гератом, который мне уже надоел за два года, и сколько еще здесь торчать, хрен его знает. А к дембелю уже все готово, и дипломат, и эксперементалка со значками, в 1987 году начали разрешать на дембель одевать экспиременталку, а до этого не разрешали, она считалась как ХБ, но смотрелась лучше, чем приевшаяся парадка, да к тому же в Союзе мало кто такую форму видел.

И лишь первого августа поздно вечером наш полк прибыл на место, а рано утром долгожданный дембель, и нас повезут в Шиндант, а оттуда самолетом домой в Союз. Вот такой у меня был дембельский аккорд.

До полуночи мы готовились, подстригались, брились, готовили форму и все такое, дембелей нас было пятеро: два узбека, один таджик, Серега из Воронежской области и я. Мне пришлось побегать по полку, надо было триста чеков разменять на червонцы, можно было и стольниками, но в купюрах от двадцатки и выше находилась намагниченная полоска, и на таможне могли б зазвенеть. Да еще проблема, как раз начался обмен чеков, появились новые с красной полосой, начали болтать, будто б старые в Союзе не будут брать, и много еще чего болтали, а времени уже не было. Но как оказалось, старые чеки в Ташкенте ушли со свистом, правда, брали по курсу один к двум, и я полторы сотни продал, мне некогда было искать, где дороже. Чеки я все же наразменивал, где по червонцу, где по пятерке, и положил их в коробку от конфет на дно, две лепешки с чарсом засунул в банку с индийским чаем (аккуратно открыв целлофан, отсыпал заварку и положил вовнутрь чарс), в общем, готов был полностью, были еще дукановские вещи, немного, но я тарить их не стал, заберут так заберут, и черт с ними.

До утра сидели с пацанами, спать не хотелось, напиваться тоже, немного чарса курнули, чуть-чуть бражки выпили, пацанов помянули, поспали часа два и утром направились в штаб. В штабе нам оформили документы, выписали билеты, поблагодарили за службу и пожелали счастливого пути. Мы попрощались с

пацанами, сели в БТРы и отправились в Шиндант на аэродром. Сопровождал нас старшина с нашей роты, он был молодой, лет 25, и только недавно попал в Афган, всю дорогу рассказывал, как он служил в Союзе, а наши головы были забиты своими мыслями, каждый думал: быстрее бы домой. По пути в Шиндант я вспоминал то время, когда вот так же два года назад ехали мы по этой же дороге, только в другую сторону, и мне было тревожно и грустно, впереди была неизвестность, а теперь радостно и все до мелочи знакомо, как будто провел здесь целую вечность. В Шинданте мы пробыли часа два примерно, пока собрались дембеля со всей дивизии, этой отправкой летели в Союз человек 40, и вот, наконец, нас посадили в большой десантный самолет и через некоторое время мы взлетели. Мы благополучно долетели, и приземлились на военный аэродром города Ташкента, а дальше нам предстояло пройти таможню, получить деньги -- и домой.

В Ташкенте мне приходилось часто бывать до армии, здесь училась моя сестренка, а бабушка и тетя жили в Самарканде, и я ездил к ним через Ташкент, мне нравится этот город, да и вообще я люблю бывать на Востоке.

Таможенники нас, можно сказать, вообще не досматривали, пропустили дипломаты по ленте, проверили документы, спросили про наркотики и оружие, мы естественно ответили "нет".

Вот и весь досмотр. На вокзале мы встретили пацанов с Кабула, которые прилетели немного раньше нас. Они рассказали, что у них был небольшой конфликт с таможней. Дукановские вещи нельзя было провозить в Союз, можно лишь военторговские. Хотя, что мог провезти солдат запретного, так, по мелочи -- платок матери, косметику девчонке, японские часы механические и электронные, браслет от давления, презервативы, монтановские сумки, складные солнечные очки, музыкальные открытки, разные брелки, цепочки с кулончиками и еще много разной мелочи, всего не перечислишь. Из шмоток везли плавки, кроссовки, спортивные костюмы, ну, бывало, за редким исключением провозили японские двухкасетники, в дуканах они стоили дешевле. И это все таможенники отбирали у солдат и естественно забирали себе, не все, конечно, таможенники занимались беспределом, но бывали разные смены. И вот одна такая беспредельная смена начала трясти Кабульских пацанов, и отнимать у них всякую мелочь. Кто-то не выдержал и разбил об пол часы и порвал костюм, и все остальные давай делать то же самое. Начался переполох, прибежал старший офицер, кое как все это успокоил, а своим приказал пропустить всех без шмона.

В Ташкенте для Афганцев все было готово, у военного аэродрома стояли наготове автобусы в аэропорт, ЖД вокзал и на

автовокзал, кому куда надо. Везде работали специальные военные кассы на все направления, несмотря на август месяц, билеты для нас были на любой поезд, лишь бы побыстрее сбагрить Афганцев, чтоб не было проблем. Деньги нам выдали сразу на аэродроме, я получил около 350 руб. и еще продал 150 чеков за 300 руб. прямо на вокзале, а 650 руб. это по тем временам было не так уж мало.

Самый ближайший поезд был через четыре часа, и мы с Серегой взяли билет на него, я ехал до Казахстана, а Серега дальше. Потом я поймал тачку и поехал в "Березку", мне собственно ничего не надо было, я все купил в дукане, просто надо было чеки сбагрить. В березке взял костюм "Соко" и кроссовки "Пума", цены в "Березке" были почти вполовину дешевле, чем в нашем полку в Афгане, например, двухкасетная магнитола "Национал" с наворотами -в полковом магазине она стоила 1100 чеками, а в "Березке" такая же 800 чеков, ну и во всем остальном примерно такая же разница.

Афганцы шарахались по всему Ташкенту, чеки меняли, чем-то торговали, чего-то где-то искали, в общем, все было в движении. А как раз шел 1987 год и водки нигде не было, аж как-то странно, водки нету, -- как так, в Союзе нету водки, в голове это не укладывалось, да еще накурились чарса и ходим все на изменах, все как-то странно и непривычно, видно одичали за два года в Афгане. Нас никто не трогал, ни менты, ни патруль, они делали вид, что не обращают на наши приколы внимания, наверное, потому, что никаким беспределом Афганцы, в основном, не занимались.

В поезде ехало навалом пацанов с Афгана, в вагоне, где ехали мы с Серегой, были еще семь Афганцев, и наш проводник торговал водкой налево и направо, но вели себя мы спокойно, пели песни под гитару, рассказывали друг другу разные истории из своей службы. Пассажиры сначала смотрели на нас с испугом, а потом успокоились, видя, что мы нормальные солдаты, а не страшные убийцы, как им поначалу казалось, и некоторые мужики даже подсаживались к нам, послушать песни и выпить стаканчик-другой.

В дороге произошел только один нестандартный случай: мы тряхнули проводника, и забрали у него всю водку, бутылок тридцать примерно, а потом раздавали ее всем подряд, кто попадался. Проводник этот просто обнаглел вконец, сначала продавал водку по червонцу, потом по пятнадцать, а когда мы были изрядно навеселе, поднял цену до двадцати пяти, и мы решили ему тормоза выписать, зашли в его купе, побазарили маленько, и изъяли товар. После этого он больше нам не попадался, а всю дорогу работал его напарник. Вот так я доехал

до дома, весело, и слава богу без происшествий, дорога заняла чуть меньше суток -- и вот я дома, а дальше началась жизнь гражданская.

Недавно я услышал от одного своего знакомого, довольно таки неприятную вещь, можно даже сказать, что трагедию. Он тоже служил в Герате, но позже меня, и присутствовал при выводе войск из Афгана. Он рассказал, что наш 12 полк был замыкающим, санчасть выходила последней и была полностью расстреляна духами. Из его рассказа я понял, что санчасть хотели вывезти самолетом из Шинданта, но в последний момент наши медики передумали лететь самолетом и двинулись по бетонке своим ходом через границу, я даже догадываюсь, почему они так поступили, но по определенным причинам описывать это не буду. В охранении у санчасти был то ли БТР, то ли БРДМка, можно сказать, что охранения не было вообще, одна единица бронетехники -- это не охранение, и духи напоследок этот момент не упустили. Я даже не знаю, как назвать такое варварство со стороны духов, может, хотели отомстить за все, но ведь там были медики и раненые, хотя у них и было кое какое оружие, но должный отпор они дать не могли. Во все войны красный крест считался неприкосновенным и со стороны противника нападению не подвергался. Но чего, собственно, с духов взять, они же воевали против нас, мы их мочили, они нас мочили, и такой расклад можно было предвидеть. Я одного не пойму, как это получилось, что медики оказались без соответственного охранения. Мне не хотелось бы судить о чьих то просчетах, и пусть это будет на совести тех, кто допускал эти трагические просчеты. Дело в том, что я многих знал из санчасти 12-го полка, после контузии мне месяц пришлось лежать там, в госпиталь я лететь отказался, и убедил наших медиков, что ничего со мной серьезного не случилось, так, ерунда, стукнулся головой об люк БТРа при взрыве мины, и что прокантуюсь в полку.

Помню, как курили в санчасти чилим, пропуская дым через медицинский спирт, эффект сногсшибательный. Чилим я притащил из ремроты, его сделал токарь, парнишка из Литвы, выточил из железа, состоял он из двух половинок на резьбе, изнутри и снаружи лаком покрыли, был лучше чем настоящий. И капитан медик нас застукал, а мы лежим на кроватях прибитые наглухо, он посмотрел на нас, потом на чилим, и говорит спокойно так:

-- А это что за лампа Аладдина? Может, дадите попользоваться?

Мы головами закивали, как по команде, он взял чилим и говорит:

-- Вы, ребята, не очень шумите, а это я верну завтра.

И ушел, а мы рассчитывали на долгую лекцию о вреде наркотика и конфискацию чилима.

И вот теперь слышу, что санчасть расстреляли духи, и даже не верится, на афганских медиков молится надо, они ребят сколько раз с того света вытаскивали.

Здесь далеко не все, что происходило за два года в Афгане, кое-что я не захотел описывать, мы, Афганцы, говорим о некоторых вещах между собой, а те, кто не был в Афгане, могут нас не понять или понять не правильно. Но общую картину службы, думаю, мне запечатлеть удалось.

Со временем некоторые вещи стираются из памяти, а я освежил немного свою память, составляя эту страницу, и вспомнил многое, что в процессе жизненных проблем и суеты начало забываться.